

РУМИТ КИН

ПЕСНЯ ДЛЯ КОРБИ

Румит Кин
Песня для Корби

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Кин Р.

Песня для Корби / Р. Кин — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Жизнь у Коли Рябина по прозвищу Корби не задалась. Все бы хорошо, если бы ему не пришлось резать вены в тринадцать лет, видеть сны про черный город вечного дождя и мертвых душ, оплакивать родных и близких, погибавших у него на глазах. Все было бы просто отлично – если бы он не видел в зеркале своего двойника, не брал в руки гитару с опавшими листьями на грифе и никогда не разговаривал с Андреем Токоминым... Но все это случилось, и теперь Корби предстоит борьба за свою жизнь и душу с существом, у которого нет имени и которое способно уничтожить все, что у Корби осталось. Содержит нецензурную брань.

© Кин Р., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	49
Часть вторая	55
Глава 8	56
Глава 9	62
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Пролог На исходе ночи

Скоро и мы окажемся там,

скоро взойдем на стену

времени – и не о чем будет

тосковать.

Только друг о друге.

Джим Моррисон

На одном из окраинных кладбищ Москвы, у самой его границы, за которой уже начинаются заросшие золотистой травой дикие поля, есть могила, в которой никто не похоронен. Ее навещают часто, хотя все, кто приходит, знают, что в ней нет того, о ком сообщает надпись на памятнике.

Этот памятник выглядит странно. Он похож на крест, но приглядевшись, понимаешь, что это скорее буква «Т», которой добавили две горизонтальные перекладины: та, что снизу, такой же длины, как верхняя, а та, что в середине – короче. Они идут строго параллельно земле. Но кое-что общее с обычными надгробиями у этого памятника есть: его тоже украшает фотография. Ее уголок перечеркнут темной линией. На фотографии – мальчик-подросток. Светлые волосы, задумчивые глаза, стеснительная улыбка, притаившаяся в изогнутых уголках губ.

Под фотографией – имя: «Андрей Токомин». И даты короткой жизни.

Те, кто приходит, знают, что мальчика в могиле нет, но некоторые все же выглядят печальными – потому что больше не увидят его, как если бы он действительно умер; они понимают, что его больше нет ни в одной стране из тех, до которых можно добраться по земле, воде или воздуху. Это его родители: отец – высокий мужчина с лицом, изуродованным жуткого вида шрамом, и мать – женщина, выглядящая одинокой, даже когда они приходят вместе. Иногда с ними маленькая девочка. Ее глаза и волосы чуть темнее, но сходство все равно разительное. Это сестра Андрея. В отличие от родителей, она вовсе не выглядит печальной. Она разговаривает с мальчиком на фотографии, рассказывает ему что-то, иногда даже играет на могиле и рисует на ней мелками всякие забавные фигурки. Родители не останавливают ее.

Она не единственная, кто так делает. Иногда посетители кладбища застают памятник испещренным странными значками, а землю под ним – уставленной множеством свечей. Эти свечи всегда появляются на исходе ночи и не гаснут до восхода солнца; в предрассветных сумерках их огоньки завораживающе танцуют на своих маленьких восковых постаментах.

Кладбищенский сторож, человек со смешным именем Никита Граф, неоднократно заявлял, что поймает «вандалов», которые в неурочное время проникают на территорию кладбища. Но дальше угроз дело не идет. Да и не по себе ему делается, когда он замечает, как вдалеке, на странной могиле, вспыхивают один за другим трепещущие светлячки, как движутся вокруг них смутные тени. В такие ночи он спешит запереться в сторожке, плотнее задергивает шторы

на узком окне и глушит тревогу прозрачной. Лишь однажды он набрался храбрости погнаться за ночными тенями, но те легко ускользнули от него.

Иногда к могиле приходит высокий мужчина, на вид лет пятидесяти, с длинным вытянутым лицом и большегубым ртом, похожий на ожившего идола с острова Пасхи. Его фамилия Крин. Раньше он был следователем, но теперь ушел в отставку. Он не в силах больше работать. Ведя дело о гибели Андрея, он получил травму головы, и теперь каждый его день наполнен болью. Он долго стоит перед могилой, хмуро смотрит на фотографию подростка и думает, что есть тайны, которые ему не раскрыть. Потом он едет в психиатрическую клинику, где заперт его бывший коллега, Белкин. Крин обязан ему жизнью, однако навещает вовсе не из чувства благодарности. Он надеется, что тот однажды заговорит – расскажет обо всем, что знал, поможет разгадать загадки. Но Белкин молчит – улыбается, или плачет, или просто пускает слюну.

***

И все же самый постоянный посетитель странной могилы – другой человек: совсем молодой, сам еще недавно подросток. У него белая кожа даже в самые солнечные летние месяцы, улыбочивый рот, непокорные темные волосы – сколько их не расчесывай, все норовят свиться колечками. Он предпочитает, чтобы его звали Корби.

Иногда он приходит вместе с красивой девушкой, которая выглядит старше него. Чаше – с двумя друзьями. Но выпадают и редкие одинокие визиты. Тогда он говорит: разные вещи, странные вещи. Из обрывков его слов постепенно складывается история. Ее не подслушает сторож Граф, не узнает бывший следователь Крин. Деревья шелестят листвой. Кажется, что они слышали много подобных слов и давно уже безразличны к ним и к людским горестям. Но к этим словам они действительно прислушиваются.

Корби обращается не к пустой могиле. В такие минуты он очень, очень далеко. Его голос постепенно затихает, растворяется в густой солнечной тиши. Скоро он соберется и уйдет. Андрея здесь нет, и Корби знает это как никто другой. На самом деле он приходит сюда не к Андрею, не совсем к Андрею. Он приходит сюда к странному мальчику из своего прошлого, перед которым до сих пор чувствует вину, странному мальчику, с появления которого все и началось.

Часть первая СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК

Мы непостоянны,

Мы – стрелы в полете,

сумма углов преломления;

дети на школьном дворе,

*сотни звонких голосов,
последние штрихи оркестровки.
Кому нужны эти дети?*

Кто мог бы заставить их однажды

войти в дом?

Джим Моррисон

Глава 1

Средство от пиявок

Школа закончилась, но Корби этого не чувствовал.

Он лежал на спине и смотрел в потолок. Там дробились осколки солнечных зайчиков. Было раннее утро семнадцатого июня, воскресенье. Тишина. Пять дней назад он сдал последний ЕГЭ, и еще пять дней осталось до выпускного.

Рядом спала Ира. Ее каштановые волосы рассыпались по подушке. Они пахли розами, табаком и блудом. Рука девушки лежала у подростка на груди, бедро тяжело прижималось к его бедру. Даже во сне она не хотела его отпускать.

Ира была на четыре года старше Корби. Она была второй гитарой и бэк-вокалисткой в рок-группе. Они познакомились две недели назад, когда Корби предпринял очередную попытку отделаться от одного странного паренька, чистюли, своего одноклассника. Но только из этого ничего не вышло, и теперь он оказался в двойном плену: Ира обнимала его, а странный мальчик Андрей, обнимая бутылку шампанского, спал в соседней комнате.

– Может, он гей? – тоскливым шепотом спросил Корби. – Ну на что я ему?

***

Четыре года назад родители Корби погибли в автокатастрофе, и четырнадцатилетний сирота переехал жить к деду. Он пошел в новую школу. Его одноклассники оказались отличными ребятами – в первую очередь потому, что не задавали дурацких вопросов. Им было плевать, откуда он, где его родители и почему у него на запястьях шрамы самоубийцы. С двумя из них – Ником и Арой – он скоро крепко подружился.

Но была одна проблема. В начале последнего учебного года в их школу и в их класс перевелся странный мальчик Андрей. Корби обычно сидел в третьем ряду, Андрей – в пятом. Оборачиваясь, Корби часто ловил на себе взгляд его задумчивых золотистых глаз.

Когда они один-единственный раз разговорились, Андрей ни с того ни с сего спросил Корби что-то насчет смерти его отца. С тех пор Корби старался его избегать. Но странный мальчик Андрей этого как бы не замечал. Других друзей у него не было. Он, наверное, решил, что Корби должен стать его другом. А в начале этой весны Андрей без приглашения увязался гулять вместе с Корби, Арой и Ником. Он будто чувствовал, что школа вот-вот закончится, и пытался наверстать годы упущенного общения. Но в каждом его движении была неприятная неловкость. Он, кажется, все время чего-то хотел, но не мог прямо об этом сказать. Его пристальный взгляд выводил Корби из себя. К тому же Андрей не курил, не пил пиво, не обращал внимания на девчонок и не слушал рок.

Две недели назад прилипала достал Корби окончательно.

На окончание последнего звонка кто-то принес весть, что в ДК в пяти минутах ходьбы от школы выступают «Зеленые Создания». Это были районные знаменитости, группа, выросшая из школьного ансамбля и уже записавшая свой второй альбом. Примерно треть класса отправилась за пивом, а потом в ДК.

Корби надеялся, что этот маневр освободит его от странного спутника, но Андрей, трезвый и скучный, ходил за ним как тень. К концу концерта он все еще был тут как тут. Корби решил доконать его и подвигнул друзей на близкое знакомство с «Зелеными Созданиями». Это кончилось большим весельем. Они протрезвели только чтобы сдать экзамены. А потом Ира подстерегла Корби у подъезда, и пьянка началась снова, и снова появился Андрей.

***

– Пиявка, – прошептал Корби.

Надо было что-то придумать. Он устал чувствовать на себе взгляд золотистых глаз. Он хотел остаться наедине с друзьями. Он хотел, чтобы их выпускной прошел под знаком: «Андрея нет».

– Он сводит меня с ума, – беззвучно взмолился Корби.

Он приподнялся на локте. На тумбочке часы. Половина седьмого. Юноша осторожно снял руку девушки со своей груди и соскользнул на пол. Его тело оказалось не готово к горизонтальному положению. Минуту Корби стоял не шевелясь, заклиная желудок и больную голову.

Ира отреагировала на его отсутствие, недовольно заворчав и свернувшись калачиком. Он был благодарен ей за продолжительный, искушенный секс. Но его пугало то, что это она ухаживает за ним, а не он за ней. К тому же она стала нечаянным союзником Андрея.

«Бежать, – подумал Корби, – пока они оба спят».

Но убежать было не так-то просто. Они с Ирой вчера разбросали одежду по полу комнаты, а наклоняться Корби не мог: вестибулярный аппарат мстил ему за лишнюю банку джин-тоника.

Подросток босиком прошлепал в коридор квартиры. Она была большой, запущенной, неизвестно чьей. «Зеленые Создания» превратили ее в свой флэт. С потолка свешивались приклеенные скотчем и частично отлетевшие детские рисунки. На стене висели старинные плакаты «Аэроплана Джефферсона» и «Радуги» Ричи Блэкмора.

В ванной лилась вода. Корби понял, что проснулся не только он. Осторожно, боясь произвести малейший скрип или шорох, юноша заглянул на кухню. Андрей все так же спал на диванчике под окном. Бутылка лежала у него под головой.

Корби беззвучно усмехнулся: хорошо.

Дверь ванной была закрыта, под ней – полоска света. Корби негромко постучал.

– Сейчас, – ответил знакомый голос.

Корби улыбнулся. Это был Ара. Он очаровал другую девушку из «Зеленых Созданий» – смешную рыжую барабанщицу.

– Доброе утро, черный брат, – громко прошептал Корби.

– Это ты, – тоже узнал Ара.

Он открыл дверь. Как и Корби, он был в одних трусах. На его смуглой коже блестели капли воды. Его мать была армянкой, а отец – одним из «детей Патриса Лумумбы», негром, некогда приехавшим в Москву, чтобы учиться по контракту. Национальность их сына не подавалась определению. У него были большие глаза. Мягкие темные волосы обычно скручивались в завитки, но сейчас они промокли и отдельными прядками прилипали к его лбу.

С детства у Ары было хобби – бисер. Свои шедевры – фенечки – он носил с собой, вернее, на себе. Многочисленные плетеные браслеты свободно висели на его запястьях, украшая его чистую темную кожу и сверкая всеми цветами радуги.

– Мне срочно надо сунуть голову под холодный душ, – объяснил Корби.

– Вы еще пили? – ужаснулся Ара.

– Да, черный брат, – подтвердил Корби.

Ара улыбался, но глаза у него были усталые.

– Как рыжая? – поинтересовался Корби.

– Кажется, я ее обидел.

– Сильно?

– Случайно.

Они замолчали. Корби включил холодную воду и сунул под нее голову. Его пробил дрожь, но он удержался и продолжал стоять под ледяным потоком. Ручейки воды сбегали у него между лопаток.

Ара стоял у Корби за спиной.

– Знаешь, иногда мне кажется, что мы снимаем девчонок только для того, чтобы не падала наша красота, – вдруг сказал он.

Корби фыркнул и выпрямился. Он увидел свое лицо в зеркале. Темноглазый и черноволосый. Губы тонкие, неяркие, но в их уголках живет озорная улыбка. Нос, как обычно, задран кверху. Под глазами темные впадины – дань бурной ночи.

– Щетина, – критически заметил Корби, – желтые зубы и вонючее дыхание. Какая, на фиг, красота?

– Не будь так суров к своей похмельной физиономии. – Ара приобнял Корби за талию, и его темное лицо появилось в зеркале рядом с лицом друга. – Мы настоящие красавчики.

– Уйди, противный, – поежился Корби.

Ара не смутился, но отодвинулся.

– Кстати, – спросил он, – а где Ник?

– Ночью взял полбутылки водки и пошел домой. Сказал, что еще накатит с отцом.

– Чудовище, – одобрительно сказал Ара.

– Будешь мириться с рыжей? – поинтересовался Корби.

Черный брат качнул головой.

– Точно не сейчас, – решил он. – У тебя есть жвачка?

Корби взъерошил голову полотенцем и теперь приглаживал влажные волосы.

– Была в карманах, – ответил он. – А у тебя есть что-нибудь от головы?

– У меня нет, но на кухне аптечка, – сообщил Ара.

Корби поймал отражение его взгляда.

– Давай свалим отсюда прямо сейчас, – предложил он.

– Убегаешь, – понял Ара.

– Меня затрахади, – нервно улыбнулся Корби.

– Я поищу таблетки, – предложил Ара, – а ты угостишь меня жвачкой. И мы свалим.

– Ага, – кивнул Корби.

***

Ира проснулась от одиночества. Корби всю ночь был рядом, а сейчас куда-то делся. У него была манера неуловимо ускользать. Он уже один раз сбежал от нее, но она вычислила, где он живет, и нашла его.

Девушка услышала шорох, приоткрыла глаза и увидела Корби. Он наклонился, собирая с пола свою одежду, и на его спине проступал пунктир позвоночника. Он смешно прыгал на одной ноге, когда надевал штаны. У него был подтянутый живот, плавный разворот плеч, какого не бывает ни у спортсменов, ни у сутулых ботаников.

Он опять убежал. Она могла в любой момент остановить его. Но вместо этого она продолжала лежать, притворяясь спящей, и сквозь чуть приподнятые ресницы наблюдала, как он одевается. Его кожа была бледной и чистой, хотя в минуты страсти или опьянения у него на щеках вспыхивали красные пятна.

Ира почувствовала, как по внутренней стороне ее бедра скользнула капелька теплой влаги.

– У меня на тебя стоит, – тихо сказала она.

Корби вздрогнул и обернулся. Его руки запутались в мятой рубашке-поло. Несколько мгновений он выглядел глупо, потом улыбнулся уголком рта.

– Да, – ответил он, – теперь я заметил, как твой большой упругий фаллос приподнимает край одеяла.

Ему удалось просунуть руки в рукава. Он небрежно застегнул две пуговички воротничка. Ира сверлила его взглядом.

– Мне больше нравится видеть, как ты раздеваешься, – сказала она.

Корби фыркнул.

– Не все когу масленица. – Он нашел в кармане жвачку. – Тебя угостить?

Ира протянула ладонь. Ее грудь показалась из-под одеяла. Над сосками темнели маленькие впадинки для пирсинга. Корби отвернулся и, не глядя, выдавил на ладонь девушки пару пастилок резинки.

Ира поймала его за руку.

– Нет, – сказал Корби.

– Хорош ломаться, – прошептала девушка.

Корби посмотрел на нее.

– «Нет» значит «нет», – ответил он.

– Вчера тебе все нравилось, – зло напомнила Ира.

Корби вырвал руку. Розовые кубики жвачки упали на пол.

– Я тебе не сучка. И я не ломаюсь. Ломаются, когда «нет» значит «да». А мое «нет» значит «нет».

Ира села на кровати. Теперь белые складки одеяла скрывали ее тело только по пояс. Дождь каштановых волос красиво обтекал полушария груди.

– Струсил? – слегка охрипшим голосом спросила она. – Маленький?

Корби отошел от девушки на безопасное расстояние, сел на корточки и стал зашнуровать кроссовки.

– Я не буду мериться с тобой мачтами, – сказал он. – Я маленький баркас, а ты многопушечный галеон. И мы плывем в разных направлениях.

– Плавает говно в проруби, – ответила Ира, – а мы с тобой на суше. И хватит гнать.

– Я все равно уйду, – возразил Корби.

– Останься, – попросила она. – Я хочу тебя.

– Нет, – поднимаясь, сказал Корби.

– Тебе наплевать на желание девушки? – поинтересовалась Ира.

– А тебе не наплевать на мое желание уйти? – парировал Корби.

– Нет, – обиделась Ира, – не наплевать. Но я хочу, чтобы ты остался. Ты мне нравишься.

Она порывисто встала с кровати, и Корби мигом отпрыгнул к двери. Сейчас он молился о том, чтобы Ара уже успел собраться. Но Ира остановилась – ее одолела похмельная качка.

– Послушай, – сказал Корби, – у меня своя жизнь, свои желания. Не надо хватать меня за руки и делать все остальное.

Он вышел из комнаты.

– Ну и иди на хуй! – закричала ему вслед девушка. – Все вы, маленькие онанисты, пялитесь на меня с танцпола, а потом ничего не можете: ни пить, ни трахаться!

Она швырнула что-то в дверь.

– Таких, как ты, у меня полный зал, понял, сосунок? Я думала, ты чего-то стоишь, а ты просто школьник, просто еще один долбаный школьник!

Корби, не останавливаясь, пересек коридор.

– Ара, – громко позвал он.

– Считай, что я тебя пожалела, – горько напутствовала его Ира.

Ара, одетый, выскочил с кухни. В руке он сжимал пачку таблеток. Корби начал открывать дверь.

– Уже уходишь? – раздался у него за спиной сонный голос.

Андрей.

– Да, – подтвердил Корби. – А ты оставайся.

Он никак не мог открыть дверь. В висках пульсировала боль, а оскорбления Иры, как отравленные пули, застряли в затылке и разъедали мозг.

– Нет, я с вами, – запротестовал Андрей. – Я тоже пойду.

– Давай я разберусь с замком, – предложил Ара.

Корби послушно отступил от двери. Глаза Андрея блеснули в полутьме коридорчика.

– Послушай, – жестко сказал ему Корби, – тебе прямо и направо. Там красивая девчонка, голая и в истерике. Просто заходи в комнату и поцелуй ее. Давай.

– Зачем? – не понял Андрей.

Корби даже смутился от его вопроса.

– Ну, как тебе сказать, – ответил он. – У тебя есть шанс на...

Он сделал характерный жест. Ему было неловко и стыдно.

– Мы вчера слишком много выпили, – промямлил Андрей. – Она, наверное, не в себе, и я не...

Ара открыл дверь, и они вышли из квартиры.

– А куда мы идем? – спросил прилипала.

– По домам, – ответил Корби.

– Я позвоню тебе днем, – решил Андрей.

Ара протянул Корби пачку таблеток. Тот благодарно кивнул.

– Не надо мне звонить, – сказал он.

– Почему? – снова спросил странный мальчик.

– Днем я буду спать, – ответил Корби.

Ара молчал и смотрел на него с сочувствием.

– Тогда я позвоню вечером, – решил прилипала.

– Андрей, – устало сказал Корби, – тебе не нужно звонить мне вечером. Тебе вообще не нужно мне звонить. Мы не друзья.

Андрей досадливо мотнул головой. Его тонкое лицо исказила нервная судорога.

– И что такого в твоих друзьях, чего нет во мне? – тяжело проговорил он. – Я не урод и не дурак. Так чем тебе не нравится моя компания? Объясни.

– У нас нет ничего общего, – сказал Корби.

– О, ты ошибаешься, – странно усмехнулся Андрей.

– И что же это? – спросил Корби.

Они добрались до первого этажа. Здесь пахло мусоропроводом. Смутно белели почтовые ящики.

– Иногда людей объединяют вещи, о которых трудно говорить, – попытался объяснить странный мальчик. – Это связано с судьбой и с самыми главными событиями в жизни человека...

Корби открыл дверь подъезда, и вдруг его осенила идея.

– Послушай, – перебил он, – мы: я, Ара и Ник, – мы банда. Стать одним из нас не так просто.

Ара удивленно поднял брови. Корби бросил на него выразительный взгляд: «Подыграй мне».

– Ты должен пройти посвящение, – продолжал Корби. – Но я тебя предупреждаю, что это будет трудно.

– Если ты не шутишь, – сказал Андрей, – я сделаю это.

Корби подумал, что прилипала и правда сделает. Он решил подстраховаться.

– В посвящении три этапа, – объяснил он. – Сейчас я расскажу только о первом.

– Ладно, – угрюмо согласился Андрей.

Теперь они шли по улице. В микрорайоне царила блаженная утренняя тишина. Воздух был прохладный. На траве и на капотах машин блестели капельки росы.

– Ты должен принести вещь, которую тебе нельзя брать, – объявил Корби. – Не просто чужую вещь, а что-то особенное.

– Например? – уточнил Андрей.

– Не знаю, – Корби пожал плечами. – Но это должно быть посерьезнее, чем любимая чашка твоей мамы. Понимаешь?

– Да, хорошо, – сказал странный мальчик. – А вы все принесете такие вещи?

– Мы уже делали это, – соврал Корби.

Взгляд Ары, оживленный, заинтересованный, перебежал от лица Андрея к лицу Корби и обратно.

– Так не пойдет, – вдруг решил прилипала. – Я хочу гарантию, что это не пустой розыгрыш. Пусть каждый приносит такую вещь.

– Не ты здесь ставишь условия, – накинулся на него Корби.

Андрей усмехнулся.

– Если вы банда, – заметил он, – если вы такие крутые, чего вам стоит принести?

Корби подумал, что попался. Андрей и правда не был дураком.

– Мы принесем, – неожиданно вступил Ара.

Корби даже опешил от такого оборота.

– Ладно, – сказал Андрей. – Когда?

Он был на удивление уверен в себе, будто наконец ступил на родную почву. Корби почти жалел, что не предложил ему Иру в качестве пари, но это было бы так жестоко и грязно, что другая часть его души радовалась началу честной игры.

– Сегодня вечером, – ответил Корби. – В восемь, у старого здания школы.

Он с легким испугом подумал, что сам еще не знает, что за вещь он мог бы принести. С другой стороны, какого черта он должен об этом знать? Может, странный мальчик принесет какую-нибудь ерунду, с которой его сразу и навсегда можно будет прогнать из их компании.

– Идет, – согласился Андрей.

Они дошли до перекрестка, где их пути расходились. Прилипала попрощался и пошел в сторону автобусной остановки. Он жил в другом районе. Корби остался наедине с Арой.

– Ты не подыграл мне, – упрекнул он друга.

– Подожди, – сказала Ара, – а ты это все несерьезно?

– Нет, – опешил Корби. – Я просто хотел отделаться от него.

– Но это же крутая идея, – возмутился черный брат. – Я слушал тебя и думал, какого дьявола мы не сделали так с самого начала. Почему мы с самого начала не стали бандой?

В его глазах блеснули огоньки.

– Я знаю, что принесу, – объявил он. – Это всем понравится.

Корби зло усмехнулся. Странный мальчик Андрей как будто обыгрывал его на ход.

– Ладно, – сказал он. – Может, ты и прав. Хотя по мне это детская игра.

Ему вспомнились обидные слова Иры. Что бы она сказала сейчас, как бы она смеялась над ним. Корби твердо решил, что выкинет ее из головы. Она не первая и не последняя. И все всегда кончается скандалом с оскорблениями.

– Что ты принесешь? – поинтересовался черный брат.

– Увидишь, – обещал Корби.

Он понял, что придется найти что-то по-настоящему серьезное. Иначе он окажется самым большим идиотом на свете.

– Надо предупредить Ника, – заметил Ара.

– Он еще спит, – сказал Корби. – Я позвоню ему через пару часов.

– Договорились, – согласился Ара. Он каверзно улыбался своим мыслям. У него явно был план.

Глава 2

Реванш

Корби пришел домой, когда еще не было восьми. Он надеялся, что сможет тихо проскользнуть в свою комнату, но дед уже встал. Желчный старик спал не больше четырех часов в сутки. В остальное время он пил чай, смотрел телевизор или, как призрак, слонялся по пустынной трехкомнатной квартире.

Дед Корби был отставным полковником КГБ. Он получал роскошную пенсию и занимал восемьдесят метров жилплощади, но все эти блага казались ему лишь прахом былого величия империи. Он был одержим накопительством, прибавлял к своей пенсии деньги за бывшую квартиру родителей внука, которую сдал сразу после их смерти, и все равно частенько жаловался на нищету.

Еще стоя на пороге квартиры, Корби наткнулся на неодобрительный взгляд старика. Тот сидел на табурете в коридоре и в поисках незаполненных кроссвордов перебирал кипу старых газет.

– Пришел, – вместо приветствия буркнул дед.
– Доброе утро, – невинно ответил Корби.

В коридоре горела одна-единственная желтая лампочка. Лысина старика тускло поблескивала в полумраке. Ее обрамляла подкова встопорщенных седых волос. Такие же волосы росли на осуждающе сдвинутых бровях Рябина-старшего и на дряблой груди, которая виднелась из-под по-летнему расстегнутой рубашки.

– Все празднуешь? – продолжал он. – Нечего тут праздновать. Тебе еще учиться и учиться. Поступать в ВУЗ. Готовься вот.

Он грохнул кипу газет на пол, словно это были учебники, которые Корби следовало немедленно прочитать. Подросток остановился. Он не мог пройти в свою комнату – дед перегородил ему путь.

– Я сдал ЕГЭ, – устало ответил Корби. – Теперь другая система. Мне уже не нужно готовиться к ВУЗу.

Они вели этот разговор не в первый раз.

– Портят молодежь, – сказал дед. – Напридумывали всякого. А мне плевать. Хочу, чтобы ты взялся за ум. Учи впрок, коли так.

– Можно я пройду? – спросил Корби.
– Нельзя, – процедил отставной полковник. – Я с тобой говорю.
– Хорошо, – вздохнул Корби. – Давай поговорим.

Он сел на приступочку под вешалкой. Минуту старик сопел, глядя на внука.

– Пил, – угадал он. – Это ничего, что пил. Парень должен пить. Но он должен понимать, с кем пить. Иногда с тем, кто равен тебе, но чаще с тем, кто выше тебя. Вот как надо пить. – Старик перешел на шепот. – Пить с генералом для меня была честь. А с генерал-майором я пил только раз. Но это подняло меня наверх – ты не представляешь, как... Пять лет службы дают меньше, чем такая честь. Все дело в людях. Если ты нравишься им, то поднимаешься вверх.

Старик отстранился от Корби.

– А с кем пьешь ты? – уже громко и презрительно спросил он. – С чуркой да с сыном неудачника.

Корби почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

– Куда тебя приведут эти люди? – спросил Рябин-старший. – В могилу? В тюрьму? Может, и так... Но не наверх. Ты не научишься у них ни чести, ни власти. Понимаешь?

– Я уважаю своих друзей, – ответил Корби. Он говорил тихо и медленно. Ему приходилось предпринимать огромные усилия, чтобы его голос от гнева не сорвался на петушинный юношеский фальцет.

Старик рассмеялся.

– Нашел кого уважать, – сказал он.

Корби знал, что дед делает это специально. Он хочет, чтобы внук сорвался. Он хочет скандала, криков, брани, разбитых вещей. Он будет даже рад, если Корби ударит его. Ведь это выйдет такой восхитительный позор, которым можно будет кормиться много дней. Его можно культивировать, растревлять, растить, из него получится отличная семейная язва.

– Ты так же провоцировал моего отца? – спросил Корби.

– Слабак и собака был твой отец, – выплюнул старик. – Я едва признавал в нем сына.

Лицо Корби дернулось, но он проглотил еще одну обиду.

– Чего тебе от меня надо? – тихо спросил он. – Я хороший мальчик, разве нет? Школу закончил, вот-вот поступлю. Даже согласился на твою долбанную юридическую академию. Чего тебе еще надо?

– Как ты говоришь со старшим в семье? – возмутился дед.

– О, прости, – выдохнул Корби. – Действительно, как я мог оскорбить тебя? Ведь ты так добр ко мне и так мудр.

Отставной полковник не почувствовал издевки.

– То-то же, – сказал он, тыча пальцем внуку в лицо. – Будешь меня слушать – вырастешь большим человеком. Может, генералом.

Он удовлетворенно почесал грудь. Извинения он любил.

– А с девушками у тебя как? – участливо поинтересовался он.

– Нормально, – сказал Корби.

– Ты, случайно, не из этих, не из говномесов? – старик подмигнул. – Да ладно, шучу, шучу.

Он явно подобрел. Но даже это его не остановило.

– Значит, то с одной, то с другой, – подытожил он. – Неужели ты не чувствуешь, молодой человек, каким хрупким и эфемерным является все, что ты делаешь? Ведь женщин у мужчины не должно быть слишком много. – Он снова перешел на шепот. – Не больше двух. Одна должна быть матерью твоих детей, а с другой ты будешь развлекаться.

Тайная премудрость была изречена, и дед снова заговорил громче.

– Или ты хочешь быть таким вечным мотыльком, который все порхает и порхает, и у которого ничего нет? Но ведь ты состаришься. Тебе захочется иметь рядом женщину и продолжить свой род. Кто тебя поддержит в трудный час, если ты будешь так порхать? Никто. Все эти давалки болеют заразой и сведут тебя в гроб.

Корби снова почувствовал, как кровь приливает к его щекам, но упорно молчал. Он видел перед собой лицо, прошедшее через крушение империи. Он слышал горячечный шепот престарелого маньяка. Эти мясистые губы предлагали ему сделку с тысячью дьяволов.

– Предай своих друзей, – шептали они, – и ты получишь власть.

– Предай самого себя, – шептали они, – и ты станешь уважаемым человеком.

– Предай свой образ жизни и все, что дорого твоему сердцу, и ты получишь обеспеченную жизнь.

Шаг за шагом. Сделка за сделкой. Твои губы станут такими же плотоядными. В жадную щель между ними ты будешь опрокидывать рюмки с водкой и совать мясо. Пройдут годы, и ты станешь полковником. Пройдет вечность, и ты станешь вершителем судеб. У тебя будет личный кабинет и гербовая бумага, на которой ты будешь подписывать смертные приговоры чуркам, неудачникам и собакам, предавшим родину. А в довершение ко всему ты вырастишь сына, маленького монстра с покореженной психикой. Он будет еще страшнее, чем ты.

– Ты убивал людей? – прервал излияния деда Корби.

– Решил проповедовать мне пацифизм на старости лет? – вскинулся старик.

– Нет, – подаваясь вперед, ответил Корби. – Я просто хочу вникнуть во все тонкости пути. Хочу понять, как стать таким, как ты.

– Семнадцать раз, – отчеканил дед. – Два раза – случайно. Рикошет в тире и судороги за рулем. В обоих случаях – оправдан. Остальное до сих пор не рассекретили.

Корби захохотал. Это произошло непроизвольно. Его как будто дернуло изнутри.

– Сколько человек мне надо убить, дедушка, – простонал он, – чтобы ты почувствовал, что наш род снова в чести? Столько же? Или больше? Восемнадцать? Двадцать пять? Сто?

– Малча-а-ать! – закричал старик.

– Ты убивал других, а я чуть не убил себя, – с лихорадочной искренностью сказал Корби. – Думаешь, я не знаю законов жизни? Я знаю их не хуже тебя. Я знаю, какое все хрупкое и чего стоит каждый шаг. Так что пошел ты на хрен.

Старик размахнулся и закатил внуку жесткую пощечину. Зубы Корби щелкнули, он почувствовал, как немеет половина лица, но быстро пришел в себя. Дед невольно освободил ему дорогу, и юноша воспользовался своим шансом, чтобы проскользнуть мимо табуретки.

Он заперся в своей комнате, подошел к письменному столу, трясущимися руками достал из верхнего ящика пару бумажных салфеток и заткнул ими разбитый нос. Потом посмотрел в зеркало. Фигня. Даже синяка не останется.

– Пожалуй, с меня хватит, – прогнусавил Корби.

Он открыл платяной шкаф и начал запихивать в рюкзак нижнее белье. Трусы, носки, шорты, пару футболок. Новая капля крови повисла у него на верхней губе. Корби пришлось взять третью бумажную салфетку. Он уронил рюкзак и обессилено опустился на кровать.

Полковник Рябин никогда не был приятным человеком, но до сегодняшнего дня он не позволял себе рукоприкладства. Ему были свойственны фортели другого типа. Корби вспомнил, как три года назад старик затащил его на пикник к своим бывшим сослуживцам.

Пожилые кагэбэшники сидели на поляне перед большой генеральской дачей, поглощали тушеную капусту и бывало рассуждали о власти. Корби было пятнадцать лет. Ему первый раз в жизни налили водки. Делать было нечего, общаться не с кем, и он стал тихо напиваться.

Он помнил, как наступили сумерки и среди мужчин началось какое-то движение. Орава собутыльников отправилась за дом. Там было специальное место, где между деревьями натягивали мишень. Пробившие ее пули застревали в двухметровом кирпичном заборе. Корби стоял в толпе датых стариков и чувствовал, как его сознание окончательно заволакивает алкогольный туман. Он очнулся, когда дед сунул ему в руки свой «стечкин». Корби начал отказываться.

– Что ж ты меня позоришь? – напал на него дед.

– Очередью, – потребовали пьяные голоса. – Очередью сложнее.

Корби поставил на стрельбу очередями, прицелился в вырезанный из картона человеческий силуэт и спустил курок. Дистанция была пятнадцать шагов. Мишень разнесло пополам. И тут же из-за нее раздался дикий визг.

На застолье была пара маленьких близнецов – внуки или правнуки владельца дома. Корби бросился к мишени. Он с ужасом думал, что подстрелил одного из мальчиков.

За картонкой оказалась связанная свинья.

– Да что с тобой? – спросил дед. – К ночи ее зажарят.

– Я думал, что попал в человека, – сказал Корби. Холодный пот заливал ему глаза. Юноша вытер лицо рукавом. Он чувствовал, что дрожит изнутри. Вокруг хохотали старые толстые мужики. Им казалось, что они отлично пошутили.

– Меткий! – кричали они. – Нормального парня Витек вырастил!

– Испугался, а! Испугался, малой! – один из стариков хлопнул Корби по плечу.

Дед наклонился к Корби. От водки его щеки побледнели, а нос, наоборот, налился краснотой.

– Даст бог, – сказал он, – и в человека однажды попадешь. Они тоже иногда орут, когда подышают.

– Я не буду военным, – ответил ему Корби.

– Он не будет военным, – повторил знакомый генерал-майор.

Смех стал еще громче. Корби испугался, что перебьет их всех, отбросил пистолет и убежал.

***

С тех пор старик становился все более невменяемым. В последние месяцы он перешел к тактике оскорблений и провокаций.

Корби было примерно ясно, как рассуждает дед. Дряхлый монстр понимает, что внук вырос, что до его восемнадцатилетия остался месяц. Он догадывается, что жертва вот-вот ускользнет, и пытается наверстать упущенное. Хочет сделать с Корби все то, что не успел с ним сделать за эти четыре года.

Юноша смотрел на свою комнату. Над кроватью – мелованные лица Курта Кобейна и Джейкоби Шэддикса. Над столом – его любимый плакат: «Увеличивайте производство конопли, добивайтесь высоких показателей в своей работе. Берите пример со знатного коноплевода Александра Хрипунова». Ноутбук, настольная лампа. Окно закрыто белыми кисейными занавесками. Раньше здесь жила бабушка. Эти занавески остались от нее. От нее же остались торшер, кровать-полуторка, шкаф и комод. Из мебели только стол был новым.

Корби помнил, какой чужой эта комната показалась ему четыре года назад. Теперь он не хотел отсюда уходить. Ему даже было немного страшно. Он привык к этим стенам. Эта дверь со щеколдой много лет защищала его от сумасшедшего старика. Дед угрожал, что в отсутствие внука снимет щеколду, но почему-то так и не снял. Корби всегда мог запереться в своей маленькой крепости.

Кровь перестала. Корби скомкал салфетки и метко бросил их в мусорку под столом.

– Итак, – подытожил он, – это лучшее утро в моей гребаной недолгой жизни. Я ухожу.

У него в голове сложился простой план. Через два дня будут известны результаты ЕГЭ. Если они сносные, в августе Корби сможет переехать в студенческое общежитие, а потом легко отсудит у деда права на квартиру родителей. Но он не будет дожидаться августа. Он уйдет из дома прямо сейчас, пока любимый дедушка не успел окончательно свести его с ума.

Корби стянул покрывало с кровати, забрал себе простыню и наволочку, бросил их в рюкзак на общую кучу одежды. Потом переоделся сам. Грязное белье он решил оставить здесь. Он обойдется без пары ношенных носков.

Так, что еще? Его взгляд обратился к книжным полкам. Он знал, что не сможет унести много, поэтому выхватил с полки только самое любимое: Сат-Ок «Земля соленых скал», «Артемис Фаул» Колфера и «Двенадцать стульев». Потом повернулся к компьютерному столу. Он решил, что вложит в книги еще пару самых ценных дисков. Ребра сиди-коробок смотрели со стеллажа. Корби нашел подписанное Гааном японское издание «Playing the Angel» Дэпеш Мод – неожиданный и щедрый подарок Короля, фронтмена «Зеленых Созданий» – и вложил его в книжку Сат-Ок.

Он заметил на стене над кроватью свой лук. Тетива была снята, пластик реверсивных плеч изгибался серыми дугами. Корби замешкался, глядя на оружие. Оно было красивым и благородным. Он использовал его только для спорта и помнил, какой радостью наполнялось его сердце, когда пальцы легко соскальзывали с тетивы.

Если бы не та несчастная свинья, которую ему в буквальном смысле подложили...

– Прости, прощай, – сказал Корби, – я больше не возьму тебя.

Он наклонился к оружию, тронул его кончиками пальцев, потом снял из-под него свою любимую семейную фотографию. Он на ней был совсем маленьким, сидел между отцом и матерью. Корби знал, что это паршивая фотография: мама смотрела куда-то в сторону, а в папиных глазах горели вампирские красные блики от фотовспышки, – однако он любил именно ее. Подросток положил ее вместе с ноутбуком в отделение для бумаг.

– И это все? – с легким недоумением спросил он себя.

Минуту он осматривал комнату. Ему пришло в голову, что в десятидневную поездку люди берут больше вещей, чем когда уезжают откуда-то навсегда.

– Все, – подтвердил Корби.

Он застегнул рюкзак, поставил его у двери, а сам лег животом на пол и заглянул в щель над порогом. Отсюда было видно большую часть коридора – пузырячатая пустошь линолеума, пыль под тумбочкой, ботинки.

Из-под двери тянуло сквозняком. Паркетные половицы все еще хранили запахи сосны и лака. Корби подумал, что вот так, наверное, мир видят мыши. Они смотрят на все снизу вверх, а ножки кровати кажутся им башнями.

Юноша вспомнил, что не взял две важные вещи. Он тихо встал, добавил к содержимому рюкзака свою электробритву и зарядку для мобильного телефона. Потом снова лег на пол. Табуретка исчезла. Старик ушел. Но этого было мало. Корби хотел точно знать, в какой именно комнате находится дед.

***

Пока он был в засаде, к нему приходили мысли. Корби стал думать о том, где будет жить в ближайшие дни.

У него была возможность, поджав хвост, вернуться к Ире, но он, само собой, не хотел этого делать. Куда большие надежды он возлагал на Ника. Отец его друга был самым спокойным и милым из всех родителей, которых Корби когда-либо видел. Да, он пил. Но он никогда никому не хамил и ни с кем не дрался. Он слушал хэви-метал, мечтал купить какой-то особенный мотоцикл, смотрел те же фильмы, что и его сын. С ним можно было поговорить, и у него можно было попросить помощи.

Когда Корби думал о Нике, в его памяти воскресли события раннего утра. Он даже сам удивился, как пощечина деда выбила проблему Андрея из его головы. Вот это удар мастера. Корби хихикнул.

Он вспомнил, что обещал Аре рассказать Нику про их уговор. А между тем он сам до сих пор не знает, какую вещь можно принести на их встречу. Украсть у старика вставную челюсть? Смешно.

Нет. Нужен настоящий запретный плод.

Корби услышал шорох, потом скрип шагов. Он затаил дыхание и наблюдал, как тапочки старика, поскрипывая и постукивая, движутся вдоль по коридору. Рябин что-то бормотал себе под нос.

– Слабак. Убежал. Испугался. Слабак. – Рваные бессмысленные слова. Корби не сомневался, что они относятся к нему. – Никогда ничего не мог.

Внезапно Корби осенило. Он понял, что есть только одна вещь, которая ему подходит. Подходит по-настоящему.

Дед пощелкал выключателем, потом открыл дверь туалета. Полоса света пробежала через коридор и снова исчезла. Дверь захлопнулась.

Корби понял, что это его шанс. Он вскочил, бесшумно, но очень быстро распахнул дверь своей комнаты, в два прыжка пронесся через темный коридор, взял из ванной швабру и зало-

жил ею дверь туалета. Старик услышал, как ручка швабры стукнула о ручку, но неправильно истолковал этот звук.

– Занято, супостат, – гаркнул он. – Чего тебя понесло в ту же минуту?

Корби не ответил. Он зашел в комнату деда, приподнял край ковра. Там лежал ключ от верхнего ящика дедушкиного письменного стола. Подросток никогда бы не нашел этот ключ, если бы старик не ленился сам убирать в своей комнате.

Корби взял ключ и отпер ящик.

Деньги – три пачки тысячных купюр, стянутых банковскими резинками – лежали, прикрытые кипой счетов за квартиру. Старик получал пенсию в тридцать пять тысяч, и еще двадцать пять ему зарабатывала квартира Корби, а тратил он немного. Внуку он денег почти не давал, новые вещи покупал редко.

«Никаких угрызений совести, – подумал подросток, – это мои деньги».

Он схватил две пачки, потом вспомнил, что сегодня семнадцатое. По восемнадцатым числам дед ездил забирать у квартиросъемщиков деньги. Значит, завтра он полезет в этот стол. Корби решил сделать хитрее. Он вытащил из каждой пачки четверть купюр, а оставшиеся, еще довольно толстые, денежные брикетки положил на их прежнее место. Потом он сдвинул бумаги и заглянул в глубину ящика.

«Стечкин» был там. Его рукоятка поблескивала через щели в кобуре. Оружие убийцы, пистолет палача, заряженный боевыми патронами и готовый к работе. Корби вспомнил визг свиньи, и его охватила легкая нервная дрожь. Он поднял «стечкин». Пушка была тяжелой. Ее жесткая кобура могла использоваться в качестве приклада, и тогда оружие превращалось в маленький пулемет.

Корби зажал пистолет подмышкой и постарался вернуть бумаги на то же место, где они лежали до его вмешательства. Результат ему понравился. Ограбление было почти незаметно. Подросток закрыл ящик на ключ, вернулся к углу ковра и положил ключ на его место.

Когда Корби, сжимая в руках пистолет, выходил из комнаты, дед спустил воду и предпринял первую попытку открыть дверь туалета. Разумеется, у него ничего не вышло, но ручка швабры опасно прогнулась. Корби понял, что рано или поздно старик сломает ее. Пора унести ноги.

Он снова заскочил в ванную, схватил щетку, полотенце и зубную пасту. На ходу он завернул «стечкин» в полотенце, потом побежал к своей комнате.

– Ублюдок! – закричал старик. – Что за детские шутки?

Корби забросил рюкзак на плечо и быстро пошел к выходу из квартиры. За спиной он слышал оглушительный треск. Швабра не выдержала, но ее обломки все еще мешали деду выбраться из сортира.

Корби не оборачивался. В это мгновение он чувствовал себя героем боевика, который не оборачивается, когда слышит, как у него за спиной обрушиваются взорванные здания. Он вышел на лестничную клетку, не стал дожидаться лифта и побежал вниз. Он жил на седьмом этаже. Он знал, что дед не догонит его по лестнице и не успеет догнать на лифте.

На выходе из дома Корби встретил знакомую старушку. Она как раз выносила мусор. Женщина с удивлением посмотрела на розовый, расшитый розочками полотенчик, который Корби сжимал в руках.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Нет, – широко улыбнулся Корби. – Все просто отлично.

Он прошел три двора, потом остановился, сел на лавочку и убрал в рюкзак обернутый розочками пистолет.

– Что ты будешь делать теперь, старая калоша? – поинтересовался он. – Как ты меня теперь достанешь?

Подросток чувствовал, что на его губах играет такая же каверзная улыбка, как та, что украшала лицо Ары в минуту их недавнего расставания.

Корби достал из кармана телефон и набрал номер Ника.

Глава 3

Идиот

– Только не шуми, – еле слышно попросил Ник, открывая Корби дверь. – Я только что встал, и у меня жуткий бодун.

Друзья обменялись рукопожатием. Ник был плотный и коренастый. В полутьме лестничной клетки Корби рассмотрел на черной поношенной футболке друга картинку с одного из альбомов «Металлики».

– Мне тоже было плохо, когда я проснулся, – шепотом поделился Корби.

Он неловко зашел в узкую прихожую и скинул с плеча тяжелый рюкзак.

– Ты что, в поход собрался? – все тем же приглушенным голосом спросил Ник.

Корби, не развязывая шнурки, скинул кроссовки с ног.

– Я бомж, – объявил он.

Ник потянулся мимо него, чтобы закрыть входную дверь. Его серые глаза блеснули.

– На кухню, – подсказал он.

Корби послушно прошел на кухню.

Квартира Ника была однокомнатной, очень маленькой. Кухня казалась просто крошечной, но у нее была приятная особенность: она выходила на балкон, увеличивавший ощущение внутреннего пространства за счет кусочка внешнего. В единственной комнате одну из стен целиком занимал экран, а к потолку вместо люстры был подвешен проектор. Отец Ника был техником на частной киностудии и делал всякие особенные штуки, вроде катающихся платформ для бутафорских монстров и тому подобное. Он принадлежал к тому редкому сорту людей, которые могут одновременно работать и пить. Сейчас он спал, и до Корби доносился его громкий храп с веселым мелодическим присвистом.

– Пиво или водку? – предложил Ник. Он прикрыл дверь на кухню и теперь говорил чуть громче. Корби издал звук, означающий болезненную нерешительность. Ник насмешливо фыркнул.

– Шучу, – сказал он. – Рассол или колу?

– А простая минералка есть? – поинтересовался Корби.

– Чистая вода, – предложил Ник. – Есть чай.

– Вода, – выбрал Корби.

Ник налил ему из фильтра полную кружку. Корби взял ее с благодарностью и опаской.

– Что у тебя с лицом? – спросил Ник.

– Ничего, – соврал Корби. – Ты тоже выглядишь не лучшим образом.

– Одна половина краснее другой, – указал Ник на щеку Корби, – и глаз, кажется, подбит... чуть-чуть.

Корби повернулся спиной к окну и спрятал лицо в тени.

– Тебе кажется, – сказал он.

– Бомж, – повторил Ник. – Что ты имел в виду?

Он налил себе колы и сел напротив. Корби молчал, сведя брови и глядя, как над чашкой Ника фонтанируют пузырьки. Ему вдруг захотелось остаться в одиночестве и сойти с ума, разрушая какие-нибудь невинные вещи. Он вспомнил, как после смерти родителей шел по полю и палкой рубил траву. От воспоминания стало только хуже.

– По-моему, ты хотел о чем-то поговорить, – напомнил Ник.

Корби кивнул.

– Мне неловко, потому что это серьезная просьба, – сказал он, – но можно мне будет у тебя пожить?

– Это дед, – произнес Ник. – Этот гребаный палач НКВД разбил тебе лицо.
Корби начал пить.

– Я надеюсь, что он сейчас тоже утирается кровавыми соплями, – заметил Ник, – что у него подбиты оба глаза и что его старые яйца ноют как никогда в жизни.

Корби допил чашку.

– Нет, – сказал он.

– Этот урод бил тебя, а ты стоял и терпел? – разъяренно спросил Ник.

– Нет, – повторил Корби. Он тоже разозлился. Ему очень хотелось сказать Нику, что все это не его, Ника, собачье дело. Но он не мог так сказать. Потому что это он пришел сюда и сидел здесь со своими вещами, и собирался жить здесь еще пару месяцев.

– Послушай, – продолжал Ник, – да эта гнида достойна того, чтобы быть избитой ногами уже за то, что ты клячил школьные завтраки, не имел денег на телефоне и ходил в обносках.

Корби встал и пошел к выходу с кухни. Ник дернулся, думая, что он совсем уходит.

– Подожди, – успокоил его Корби. Через полминуты он вернулся на кухню с рюкзаком, достал полотенце в розочках и вытряхнул его содержимое на стол. Деньги разлетелись веером, «стечкин» тяжело рухнул в центр кучи, а сверху на него упали зубная щетка и паста. Получилось не эффектно, как в кино, а по-идиотски.

Ник уставился на пистолет. Корби отложил его в сторону и сгреб бумажки в маленький холм.

– Ты говоришь, он был мне должен, – вернул он. – Ну вот, мы в расчете.

Его руки опять начали предательски трястись, как тогда после пощечины.

– О господи, – простонал Ник. – Лучше бы ты просто разбил ему лицо.

– Он не знает, что я его обчистил, – сказал Корби. – А когда узнает, уже ничего не сможет с этим сделать.

Ник молчал.

– Послушай, – продолжал Корби, – я в любом случае ушел из дома и туда не вернусь. Просто скажи, да или нет. Я могу у тебя пожить?

– Надолго? – спросил Ник.

– Пока что-нибудь не придумаю, – ответил Корби. – Если поступлю в ВУЗ, с августа можно переселиться в общагу.

Ник устало потер лицо.

– Это не ко мне, – сказал он. – К сожалению, это не ко мне. Это должен решать отец. Но я буду просить за тебя.

– Спасибо, – поблагодарил Корби.

Ник пристально смотрел на него. Он явно не считал, что разговор окончен.

– Деньги – это я понимаю, – сказал он. – Он тебе их был должен. Но зачем ты взял у него пушку? Ты совсем рехнулся?

Корби открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

– С отцом или без, – добавил Ник, – я не позволю тебе хранить это дерьмо здесь. Извини, Корби, но я не хочу сесть за чужую глупость.

Корби тяжело перевел дух.

– Есть причина, по которой я ее взял, – промямлил он.

События сегодняшнего утра вдруг предстали перед ним в таком нелепом виде, что говорить о них стало стыдно. Но говорить пришлось. Корби сбивчиво рассказал про пари с прилипалой и про идею насчет банды. Ник слушал, и выражение его лица становилось все более недоверчивым, как будто Корби рассказывал историю про инопланетян. Юноша ждал, что друг будет насмехаться над идеей банды, но, к его удивлению, Ник заговорил не об этом.

– Я тебя не понимаю, – начал он. – Видно, старик заразил тебя своим безумием.

Корби молча ждал, что Ник скажет дальше.

– Что такого тебе сделал Андрей? – спросил Ник. – Он тебя пидорски облапал? Увел девчонку? Кнопки клал на стул? Я весь год удивляюсь, почему ты его так ненавидишь. Объясни мне.

– Ну, он какой-то странный, – сказал Корби. – Как будто чего-то все время хочет, а сказать не может.

– Он помог мне с английским языком, – сообщил Ник.

Корби опешил.

– Он стеснительный и замкнутый, – продолжал Ник. – У него богатая вздрюченная мамка, которая устраивает скандал всякий раз, когда он возвращается домой позже девяти, и еще более богатый отец, который, правда, с ними не живет, но тоже постоянно до него докапывается. А в остальном...

– Ты с ним общаешься, – упавшим голосом констатировал Корби.

– Почти нет, – возразил Ник. – Но это не отменяет того факта, что странно здесь ведешь себя именно ты. Ни у кого, кроме тебя, нет проблем с тем, чтобы просто с ним поговорить.

– Он не пьет, – Корби стал загибать пальцы, – ему плевать на девчонку, он не слушает нормальную музыку. Что удивительного, что у нас с ним мало тем для общения?

Ник пожал плечами.

– Он стеснительный, – снова сказал он. – Если бы ты захотел ему помочь и вместо своих загонов привел в нашу компанию, сейчас бы он уже пил, бегал за девчонками и слушал рок.

– Ну... – пробормотал Корби.

– Он не ушел с концерта, – напомнил Ник, – и вчера вечером он начал бухать...

– Шампанское, – презрительно вставил Корби.

– И что? – спросил Ник. – С него выносит не хуже, чем с пива, а остальное – дело вкуса и денег. У него есть деньги на шампанское. Кстати, он предлагал остальным. Он не жадина и не говнюк, как твой дед.

Корби тяжело вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – А что с пари?

– Я не буду ничего красть, – наотрез отказался Ник. – Но я могу принести реально крутую вещь. Спрошу у отца.

– Ты подыграешь? – уточнил Корби.

– Ты мой друг, – ответил Ник, – и я не хочу, чтобы ты выглядел идиотом.

– Спасибо, – второй раз поблагодарил Корби.

Ник усмехнулся.

– Сочтемся. – Он медленно, осторожно поднял пистолет со стола, следя за тем, чтобы дуло все время смотрело в стену.

– Ты умеешь обращаться с этой штукой? – поинтересовался он.

– Немного, – ответил Корби. – Капелька сбоку – это предохранитель и переводчик режимов огня. Рычажок сзади – курок.

– А как вытащить обойму? – поинтересовался Ник.

– Снизу на рукоятке, – показал пальцем Корби.

Ник вытащил магазин из рукояти пистолета. Пули были цвета бронзы. В их маленьких круглых головках Корби увидел отражение комнаты и бледное с похмелья лицо друга.

– Восемнадцать? – предположил Ник.

– Обойма полная, значит, двадцать, – поправил Корби. – У деда где-то лежали еще, но у меня не было времени.

Ник медленно вставил магазин обратно в рукоятку оружия.

– Я надеюсь, что двадцати достаточно, – с мрачной усмешкой сказал он. – Зачем тебе больше?

– Я думал пострелять по банкам, – честно ответил Корби.

– Глушитель есть? – спросил Ник.

– Не у этой модификации, – сказал Корби.

– Тогда твои выстрелы услышит весь микрорайон, – резонно предположил Ник.

Корби не ответил. Он опять был идиотом. С полминуты они молча смотрели на оружие. Потом Ник встал, взял кухонную тряпку и тщательно вытер со «стечкина» отпечатки своих пальцев. Потом достал и протер обойму.

– Ты параноик, – заметил Корби.

Ник, вытирающий пистолет тряпочкой, выглядел сурово. Он закончил и положил пушку на стол перед Корби.

– Что ты собираешься с ним делать? – спросил он. – Я уже сказал, хранить здесь его нельзя.

– Окей, – решил Корби. – До вечера он полежит у меня в рюкзаке, а после встречи с Андреем мы его куда-нибудь денем. Хоть закопаем.

– Хорошо, – согласился Ник. – У меня есть эмалированная жестяная коробка. Отец даст масляную тряпку.

Корби кивнул. От мысли о спрятанном в землю смертоносном оружии у него по спине пробежали мурашки. Они уже не дети, и их игра уже не совсем игра. Они поступят с пистолетом так же, как поступила бы настоящая банда гангстеров.

– Твой звонок меня разбудил, – сказал Ник.

– Извини, – попросил Корби.

– Ничего, – ответил друг. – Просто, если не возражаешь, я еще поплю. Могу сделать тебе пару бутербродов.

– Нет, – отказался Корби. – Меня мутит со вчерашнего. Я тоже поплю.

– Балкон твой, – любезно предложил Ник.

Корби благодарно кивнул. Ник принес ему чистую простыню.

– Пока папа не сказал «нет», чувствуй себя как дома, – напутствовал он.

Корби выпил еще чашку воды, убрал со стола краденое и лег спать. Когда он остался в одиночестве, обиды и глупости этого утра вдруг разом вернулись к нему. Он устало потер лицо руками. Его охватило чувство, будто сейчас не день, а поздний вечер, не лето, а поздняя осень.

Уснул он, тем не менее, быстро – сказывалась усталость. Во сне на него обрушилась мешанина странных, тревожных образов. Он снова был на концерте «Зеленых Созданий», но потом почему-то оказался на сцене – огромной, вмещавшей тысячу музыкантов. Потерянный, он стоял между ними, живыми и мертвыми, пытаясь отыскать взглядом своих друзей, но не мог найти никого. Вдруг все разом запели, заиграли. Тысячи инструментов и голосов, огромный, невозможный ряд оттенков звука – все сложилось в песню, в один колоссальный, непередаваемый по своей силе призыв. Он взорвал что-то в душе Корби, так, что стало больно. Постепенно он различил слова.

– Андрей Токомин, – звали они все множеством голосов. – Андрей Токомин. Андрей...

Из третьего ряда поднялся Андрей. Он пошел к сцене, но кто-то преградил ему путь. Корби сшибся с неизвестным, и они выскочили из зала через дверь в стене, которая откуда-то появилась, хотя ни зал, ни сцена не имели границ. Улица. Потом Корби бежал по стальным лестницам, прилепившимся к стене старого кирпичного небоскреба, все вверх и вверх. Шел мелкий дождь. Город внизу был окутан сумерками и дымами, сквозь которые светили неведомые огни (быть может, те самые сценические софиты), но все это уже напоминало старые боевики про Нью-Йорк. Перила были мокрыми, металлические ступени звенели под ногами. Так же они звенели над головой, там, куда убегал неведомый противник. Наконец, у самой вершины небоскреба Корби почти настиг его, но противник успел проскользнуть в дверь запасного выхода. Корби локтем разбил стекло. За ним был коридор гостиницы, но до него Корби не дошел. С внутренней стороны дверь была зеркальной. В осколках он увидел, что у него другое

лицо. Потом он поднял взгляд и обнаружил, что в коридоре стоит человек с какой-то дикой, оскаленной улыбкой. Но тут все померкло, ушло куда-то, куда Корби уже не мог последовать, и сам он, наконец, провалился в забывчивую темноту без сновидений и огней.

***

Проснулся Корби от звука шипящего масла. Дверь на кухню была приоткрыта, и на балконе затыгивало сытный запах жареного мяса. Подросток перевернулся на спину и увидел отца Ника. Тот хозяйничал без передника, на нем были только шорты и красная майка без рукавов. По большим умелым рукам тянулся темный узор вен. Когда-то отец Ника занимался подводным спортом и пещерным туризмом. На плече бывшего дайвера была выбита группа крови, под ней – список аллергенов.

– Здравствуйте, – поздоровался Корби.

– Выспался? – вместо приветствия спросил Олег Борисович.

Корби посмотрел на небо. Солнце висело где-то на полпути между зенитом и горизонтом. Было жарко, но не так, как в середине дня.

– А сколько времени? – ответил Корби вопросом на вопрос.

– Половина седьмого, – сообщил мужчина. – Отбивную будешь?

– Да, – обрадовался Корби. – Я не ел со вчера.

– Тогда вставай и приводи себя в порядок, – посоветовал Олег Борисович.

Корби достал из рюкзака полотенце, электробритву и зубную щетку, но в ванную не пошел, а в нерешительности замер в дверях балкона.

– Ник сказал Вам? – спросил он.

Олег Борисович стоял в пол-оборота и деревянной лопаткой переворачивал на сковороде мясо. Он ответил не сразу, и на протяжении нескольких секунд Корби ждал, чувствуя, как сердце выпрыгивает у него из груди. Он так не нервничал даже когда сдавал ЕГЭ. Этот человек был первым и последним взрослым, который мог ему помочь. Все другие варианты казались равно паршивыми.

– Живи, – ответил Олег Борисович. – Только одно условие.

– Какое? – нервно спросил Корби.

– Каждый третий раз в магазин ходишь ты. Еду берешь на свои деньги. Мой пацан сказал, что они у тебя есть.

– Конечно, – выдохнул Корби. – Вы меня спасли.

Мужчина пожал плечами и продолжил катать отбивную по раскаленной, плюющейся маслом сковороде.

Корби прошел в ванную и поставил стаканчик со своей зубной щеткой рядом со стаканчиком Ника. Он нашел новый дом. В четырех кварталах отсюда, в полутемной пустынной квартире, был его дед. Подросток представил, как старик склоняется над помятой газетой и вписывает кривые синие буквы в просветы черной решетки кроссворда. Его передернуло.

– Не думай о нем, – шепотом сказал себе Корби. – Думай о том, что ты все еще похож на небритого похмельного уроды, и пока ты будешь таким, сегодняшнее утро не перестанет преследовать тебя.

Отражение немо шевелило губами. Корби подсоединил к сети серебристое тело электробритвы и начал стремительно расправляться со щетиной. Крошечные волоски превращались в пыль. В мерном жужжании виброрезвия были покой и торжество цивилизации. Жизнь.

Корби закончил бриться, почистил зубы и умылся. Взъерошил волосы полотенцем. Махровая ткань все еще пахла деньгами и ружейным маслом. Подросток искренне улыбнулся и присмотрелся к своему отражению.

Кожа после бритья стала гладкой и притягательной. На лбу чуть пульсировала голубая венка. Волосы, еще влажные, стояли дыбом. Он привычно зачесал их назад и решил, что теперь выглядит на четыре с плюсом. Только небольшое кровоизлияние под глазом портило вид.

– Как лицо? – поинтересовался Ник.

Корби вздрогнул и понял, что друг уже некоторое время стоит у приоткрытой двери ванной.

– Краснота прошла, – ответил он.

– А синяк – нет, – сообщил Ник.

Корби пропустил замечание мимо ушей.

– Твой отец разрешил мне остаться, – сказал он.

– Мой отец отличный мужик, – понизил голос Ник, – но не дай ему пропить все твои деньги.

Ник ушел прежде, чем Корби успел ему ответить. Такого предупреждения он не ожидал. Ему пришло в голову, что он был слишком легкомысленным. Ведь он до сих пор даже не пересчитал свои барыши. Никогда раньше он не держал в руках такую сумму. Она казалась ему огромной, но он мог быть глубоко не прав. Он никогда не жил на свои деньги.

Корби решил, что ни в коем случае не будет считать бабки на глазах у Олега Борисовича, и уж тем более не станет показывать ему, где они лежат.

Когда Корби вернулся на кухню, поздний обед уже был готов. Они едва уместились за маленьким столиком. Корби досталось место напротив Олега Борисовича. Он дипломатично притих и ел, изредка выдавая свое восхищение кулинарными способностями хозяина дома. Олег Борисович выглядел довольным.

– Куда будешь поступать? – спросил он.

– Я еще не решил, – признался Корби. – Дед хотел, чтобы я учился на юриста, и я хорошо готовился к ЕГЭ по русскому, истории и обществознанию.

– Пока оценок нет, это пустой разговор, – заметил Ник. – Можно готовиться к математике, а случайно сдать на пять химию.

– Да, – согласился Корби. – Но даже если у меня хорошие оценки только по моим трем предметам, я могу поступать много куда. Например, на историка или психолога.

– А не хочешь в театральный? – серьезно предложил Олег Борисович. – У тебя модельная внешность. С таким лицом будешь зарабатывать деньги, почти ничего не делая. – Он добродушно усмехнулся. – Только не дай себе потолстеть и держись в форме.

Корби подумал, что, наверное, перестарался, когда приводил себя в порядок.

– Я никогда не был к этому расположен, – двусмысленно заметил он.

Ник усмехнулся.

– К нам приходят ребята сниматься в рекламе, – жуя, продолжал Олег Борисович, – так играть вообще не могут, даже улыбаются в камеру ненатурально. Но у них классный вид. Я не знаю, что они с собой делают. В качалку, наверное, ходят.

Он встал, открыл холодильник, вернулся за стол с банкой пива.

– Если хочешь, – показал он на банку.

– Нет, спасибо, – отказался Корби. – Мне вчера хватило.

Олег Борисович посмотрел на сына.

– Пап, я утром опохмелился, – сказал Ник.

Продолжали есть.

– А зачем вам леталка? – неожиданно спросил отец Ника.

Корби удивленно вскинул голову, но ничего не сказал. Он догадался, что это связано с разговором с Андреем, и тщетно пытался себе представить, о чем идет речь.

– Просто классная вещь, – ответил Ник. – И еще, Ара интересуется твоей работой.

– А... – протянул Олег Борисович. – Ну, пусть заходит.

– Зайдет, – заверил Ник.
– Тогда и камеру бери, – предложил ему отец, – и все остальное.
– Круто, – сказал Ник.
– Спасибо, – поддакнул Корби.
У него зазвонил телефон.
– Ара, – сообщил он.
– Легко на помине, – рассмеялся Олег Борисович.
– Привет, – сказал Корби в трубку.
– Здорово, – приветствовал его Ара. – Я уже подхожу к школе.
Голос у него был совершенно ошалелый.
– Ты рано, – сказал Корби.
– Я просто не могу нести их домой, – с каким-то нездоровым восторгом объяснил черный брат. – Они огромные и торчат из рюкзака. Меня пропалят.
– Ладно, я понял, – протянул Корби.
– Может, вы придете пораньше? – спросил Ара.
– Ник, – сказал Корби, – Ара предлагает пораньше.
Ник пожал плечами.
– Мы почти доели, – ответил он.
– Минут через двадцать, – сказал Корби в трубку.
– Окей, – согласился Ара. – Буду ждать.
– Давай, – напутствовал его Корби.
Он спешно запихнул в себя остатки отбивной и даже вытер тарелку корочкой черного хлеба. Друзья встали из-за стола.
«Стечкин», леталка и загадочные «они». Корби почувствовал, что его захватывает желание увидеть трофеи своих друзей. Что бы это ни было, что бы теперь ни выкинул Андрей – в любом случае, вечер пройдет необычно.

Глава 4

Банда

Без четверти восемь Корби и Ник подошли к старому зданию школы. За полгода до окончания их перевели в новое здание, которое находилось дальше и отсюда, и от их домов, из-за какого-то мутного проекта реновации микрорайона. Впрочем, по этому проекту ничего пока не было сделано, и школа по-прежнему стояла, окруженная обветшалыми, выселенными домами. Директриса еще собиралась за нее повоевать, так что школа жила практически на два здания – часть вещей демонстративно не перевозили, все время ссылаясь на какие-то неурядицы, окна и двери не заколачивали, а просто заперли. Периодически, опасаясь резких движений со стороны непонятно кого, сюда отправляли охрану, но обычно ее заменяла сигнализация.

Корби нес за плечами рюкзак. Ворох своей одежды и другие вещи он оставил у Ника, и теперь в рюкзаке лежали пистолет, предназначенная для его хранения жестяная коробка с промасленной тряпкой внутри, и деньги. Ник тоже был нагружен. Он перекинул через плечо ремень черной спортивной сумки. Для своих размеров она казалась неестественно легкой и слегка хлопала парня по бедру. В сумке лежала загадочная леталка. Из-под молнии, застегнутой не до конца, выглядывало сверкающее на солнце серебристое ребро. Корби догадывался, что это крыло, но с уверенностью сказать не мог.

Территория школы была обнесена весьма условным бетонным заборчиком. Покосившиеся от времени рифленые блоки всего на метр выступали из земли. Калиток не было. На прогретой солнцем вершине ограды, болтая ногами, сидел Ара. Он потягивал что-то из пластикового стаканчика.

Корби и Ник издали махнули ему рукой. Черный брат приветствовал их жестом тоста.

– Что это он пьет? – спросил Ник.

– Не воду, – уверенно ответил Корби.

– Да он бухой, – заметил Ник.

– Не может быть, – сказал Корби. – Он двадцать минут назад говорил со мной трезвый.

Но Ник был прав. Ара широко улыбался. Его голова была чуть запрокинута, и он, щурясь, подставлял лицо солнцу. К его темным щекам прилила кровь, и от этого он казался еще смуглее, чем обычно.

– Эй, Джим, – хрипло крикнул Ник, – ты опять разграбил хозяйские погреба?

– Не бейте меня, масса! – звонким голосом взмолился Ара. – Тетя Сара сказала, что вино помогает от бородавок.

Корби прыснул от смеха.

– Когда ты успел набратся? – восхитился он.

– Я не набрался, – запротестовал Ара. – Я выпил всего три стаканчика.

Черный брат многозначительно посмотрел вниз. В траве у основания забора лежал его рюкзак. Из него выглядывали матовые горлышки трех глиняных бутылок. Каждый сосуд покоился в своей плетеной обвязке. На пробках стояли красные восковые печати. Одна из них была сорвана.

Корби сел на корточки рядом с рюкзаком Ары. Он увидел, что в центре каждой печати продавлен витиеватый христианский крест, а вокруг него извиваются непонятные армянские буквы.

– Ты принес это в качестве трофея? – с сомнением спросил Корби.

– Да, – подтвердил Ара.

Корби посмотрел на него снизу вверх.

– Как-то несерьезно, – сказал он. – Выпивка продается в любом магазине.

- Только не эта, – возразил Ара. – Ни один из вас такого вина не пил никогда в жизни.
- Дай, что ли, попробовать, – попросил Ник. – Проверим.

Черный брат протянул ему стаканчик. Ник пригубил, потом пригубил еще раз и облизнулся как старый котяра, наконец добравшийся до пузырька с валерьянкой.

- Это так круто? – не поверил Корби.
- Попробуй, – просто предложил Ник.

Корби встал и принял из рук Ары стаканчик. Вино было красным, полупрозрачным, лучи солнца преломлялись в нем и рубиновым отсветом падали на белесый камень ограды. Корби отпил из стаканчика крошечный глоток. Напиток был полон спокойного тепла и отдавал кофейно-шоколадным привкусом.

- Ну как? – хором спросили Ара и Ник.

Корби проглотил вино, вздохнул и почувствовал, что вкус кофе сменяется терпким и приятным вкусом ягод. Он заметил, как его слегка качнуло. Теперь он верил, что Ара выпил всего три стаканчика. Этого было вполне достаточно, чтобы захмелеть.

- Где ты взял это чудо? – спросил Корби.

Ара фыркнул.

- У тебя такое лицо... Я думал, ты скажешь: «А можно еще?»

- А можно еще? – поинтересовался Ник.

Ребята рассмеялись. Черный брат спрыгнул с ограды.

- Там еще четыре стаканчика, – сообщил он.

- Слушай, – предложил Корби. – Может, пойдем к ручью?

- А Андрей? – спросил Ник.

- Он нас там найдет, – с поддельной уверенностью обещал Корби.

- Ладно, – сдался Ник.

Ара поднял свой рюкзак, и они двинулись по тропинке, идущей вдоль внешней стороны школьной ограды.

***

Трехэтажная школа стояла на пригорке. Она имела четыре крыла, сомкнувшихся в периметр вокруг квадратного внутреннего двора. Облупившиеся бело-синие стены в лучах вечернего солнца. Между зданием и забором раскинулось полудикое футбольное поле. На нем редко играли – из-за отсутствия сеток мяч все время улетал в траву.

Там, где кончалась территория школы, начинался неглубокий овраг, по дну которого бежал ручей – любимец местных подростков. Это было странное место. Здесь фактически кончалась Москва: школа была последним домом на своей улице. С другой стороны оврага не было многоэтажек – там находился дачный кооператив. За ним с одной стороны раскинулся лес, а с другой были пустыри и пищевые фабрики «Кока-Кола» и «Макдональдс».

- И все-таки, – сказал Корби, – откуда это вино?

– Помнишь, три года назад я учился в армянской церковно-приходской школе? – спросил черный брат.

- Это трудно забыть, – заметил Ник.

- Даже я что-то помню, – сказал Корби, – хотя мы тогда только познакомились.

– У нас было всего четыре предмета, – продолжал Ара. – Родной язык, история Армении, литература Армении и священное писание. Последние два преподавались через раз. Домашних заданий не давали. Занятия по субботам.

Они углубились в заросли. Эти кусты были знакомы, как родной дом. Здесь они первый раз курили, первый раз выпивали вместе, здесь назначали свидания и целовались. Ребята уверенно шли знакомой тропинкой.

– Я забыл лекцию двухнедельной давности, – продолжал Ара. – Я постоянно их забывал, и отец Тевос попросил меня остаться. Он был нестрогий, дружелюбный такой. В пристройке почему-то выбило пробки, он зажег свечку и закурил от нее трубку. Мы сидели под окном, дым утягивало в форточку, а на улице шел дождь и кружились листья. Было круто.

Они вышли на маленький полуостров у последнего изгиба ручья. Дальше тот тянулся совершенно прямо. Ложбина неглубокого оврага, на дне которого они находились, превратилась в длинный зеленый коридор, образованный склоненными ивами – сияющий, полный солнечных просветов. Здесь лежало бревно и перевернутые ящики. В разбросанных бутылках Корби узнал последствия одной из последних массовых попок. Под бревнами траву затоптали, но у воды была топкая земля, на которую подростки не решались ступать. Там выросла густая влажная осока. Под зеленым берегом бежал переливчатый ручей. Это было красивое место.

– Отец Тевос скоро сбился с темы, и мы просто говорили, – рассказывал Ара. – Что-то про горных отшельников. Я ему понравился. Мы попрощались почти по-дружески. Он остался курить трубку и сказал мне, чтобы я спускался на улицу сам. Класс был на втором этаже. А на первом этаже были *они*.

Ара сделал многозначительную паузу и поставил свой тяжелый рюкзак на один из перевернутых ящиков. Глиняные сосуды даже не звякнули, только доска глухо дрогнула под их весом.

– Бутылки? – догадался Корби.

– Да, – подтвердил черный брат. – Они стояли прямо на столе в маленьком холле и ждали воскресной литургии. Я, наверное, минуту на них смотрел. Но тогда мне не хватило пороку их взять.

– Не-е-ет, – простонал Ник. – Не говори мне, что это вино для причастия.

Он теперь тоже увидел кресты на печатях. Все вдруг встало на свои места: эйфория Ары этим утром, красный воск, распятия и армянские буквы, необычный вкус вина.

– Да-а-а, – в тон Нику простонал Корби. – Это же кража века, ты, долбаный негр Джим, черный дьяволенок!

Ара широко улыбался. Он вытащил початую бутылку из рюкзака. Из-за ее необычной формы Корби не мог понять, какой у нее объем. На толстой глине рука мастера выдавила еще несколько печатей.

– Думаю, это повод выпить, – сказал Ара. Рядом с бутылкой он поставил стаканчики. Было что-то нелепое в этих пластиковых штучках, стоящих рядом с освященным глиняным монолитом церковной бутылки. Корби вспомнил про зубную щетку, лежащую на пистолете, и усмехнулся своим мыслям.

– Ладно. – Ник со вздохом взял один из стаканов. – Но ты ведь больше не ходишь в церковную школу?

Ара начал разливать. Над поляной повис потрясающий терпкий аромат. Черный брат чуть промахнулся мимо стаканчика, и кровь Христа рубиновыми каплями повисла у Корби на пальцах. Он слизнул их. Все вокруг казалось неожиданно ярким, свет немного резал глаза, но не мешал. Вещи жили, вибрировали, плыли под солнцем. Лица друзей излучали особую красоту. Было легко улыбаться. Мысли, веселые и сиюминутные, стремительно проносились в голове.

– Я не хожу в школу, – объяснил Ара, – но моя мать ходит в церковь. Вообще-то она обязана исповедоваться только пять раз в год, перед религиозными праздниками, но она делает это чаще.

– Надеюсь, тебя за это не посадят? – перебил его Ник.

– В принципе, могут, – легкомысленно сказал Ара. – Но отлучить должны точно.

Ник только покачал головой.

– За то, чтобы этого не случилось, – провозгласил Корби.

Они выпили стоя, потом Корби сбросил с бревен грязные газеты. Ребята расселись вокруг импровизированного стола.

– Моя мама три дня постилась, – продолжал Ара. – Я знал, что она пойдет на исповедь и потащит меня с собой. Она ходит исповедоваться по субботам, потому что по воскресеньям большая очередь. Церковь святого Саркиса одна на весь юго-западный округ.

Корби медленно протянул руку и бережно поднял бутылку. Она оказалась такой тяжелой, что ему пришлось подхватить ее второй рукой. Глина была шершавой, обвязка пахла травами, а печать – настоящим воском.

– Пока мама исповедовалась, я зашел во флигель. Там шел четвертый, последний урок. Я взял бутылки, положил в рюкзак, и они даже не звякнули. Но я нарвался: рюкзак не получалось закрыть.

Ара перевел дух, вспоминая.

– Тогда я положил их вместе с рюкзаком в багажник маминой машины.

– Ты полный псих, – серьезно сказал Ник.

– Да, это было стремно, – подтвердил Ара. – По дворику ходили люди, а я нес этот рюкзак с торчащими бутылками. Но никто не обратил внимания.

– И она их не нашла? – спросил Корби.

– Она не открывала багажник, – объяснил черный брат. – Мы вернулись. Она пошла домой, а я взял брелок от машины, спустился вниз и достал вино.

– Ты нарушил седьмую заповедь, – сказал Ник.

– Бог простит, – жизнерадостно сообщил Ара. – И вообще, на его месте меня бы это достало. Они уже две тысячи лет пьют его кровь и едят его тело.

Корби фыркнул.

– Налей еще по одной, – попросил он.

Ара послушно налил.

– Бутылка кончается, – с удивлением заметил он.

– У нее очень толстые стенки, – заметил Ник. – Там меньше, чем кажется. Не открывай вторую, пока не придет Андрей, а то мы все выпьем.

– Кстати, а сколько времени? – спросил Корби.

– Восемь пятнадцать, – сказал Ара. – Он опаздывает.

Ник поставил свой стаканчик на ящик.

– Я схожу к школе, – решил он. – Вдруг он нас не нашел?

– Если он такой недогадливый, может, не стоит принимать его в банду? – предложил Корби.

Ник не ответил, просто ушел. Скоро его спина скрылась в зарослях.

– Да ладно тебе, – весело сказал Ара. – Ты слишком суров.

Он посмотрел на оставленную Ником сумку.

– Что там?

– Его трофей, – ответил Корби. – Я еще не видел.

– А у тебя что? – заинтересовался черный брат.

– Бандитская вещь, – с предвкушением сообщил Корби. – Почти такая же крутая, как твое вино.

– Покажи, – попросил Ара.

Корби запустил руку в свой рюкзак и достал из него пистолет. Вороненая сталь мрачно блеснула на свету. Черный брат, замерев, смотрел на оружие. Корби извлек магазин, молча показал другу пули, зарядил пистолет обратно и положил его рядом с бутылкой краденого вина. Тяжелый ствол «стечкина» гулко стукнулся о ящик.

Ара слотнул.

– Это не подделка? – спросил он.

– Нет, – сказал Корби. – Я когда-то из него стрелял. Это пушка моего старика.

Он вкратце рассказал историю своей ссоры с дедом и тот случай, когда ему случайно довелось убить связанную свинью. Они выпили свое вино. Только недопитый стаканчик Ника оставался одиноко стоять на ящике. Ара, не отрываясь, смотрел на оружие.

– А мне можно его подержать? – попросил он.

– Да, – разрешил Корби. – Только не снимай с предохранителя.

Черный брат взял пистолет в руки. Он обращался с ним не как Ник, а как копы в фильмах восьмидесятых: поднял ствол к левому уху, потом медленно опустил его, прицеливаясь в дальнее дерево на другом берегу ручья.

– Потрясная вещь, – констатировал Ара. Он встал и повернулся вокруг поляны, как будто расстреливал множество врагов.

– Он стреляет очередями, – сообщил Корби.

– Серьезно? – переспросил Ара. – Это же пистолет, а не автомат.

– Это автоматический пистолет Стечкина, – объяснил Корби, – оружие для спецподразделений.

– Круто, – восхитился Ара. – А какая будет отдача?

– Ощущение в руке как от удара по боксерской груше, – сказал Корби, – но я удержал.

Ара еще целился в кусты, когда из них вышел Ник.

– Опустит, – сказал он, – не направляй на людей.

– Извини, – Ара положил пистолет обратно на ящик. – Андрей не пришел?

– Нет, – подтвердил Ник. – Я ему звонил, но он не берет трубку.

– Уже и не придет, – улыбнулся Корби. – Струсил.

Ник сел на свое место.

– Андрей не трус, – возразил он. – Если он не пришел, то либо потому, что его достали твои законы, либо по веской причине.

Корби не ответил, только мотнул головой. На несколько секунд над поляной повисла тишина. Ара первым нарушил неловкое молчание.

– Ник, а у тебя что? – поинтересовался он.

– Леталка, – буркнул Ник.

– Мне тоже интересно, – заметил Корби. – Ты знаешь, что у нас, а мы не знаем, что у тебя.

– Машина из стали и ветра, – чуть смягчившись, сообщил Ник.

– Это эвфемизм для летающей мясорубки? – спросил Ара.

Все трое рассмеялись.

– Ты несправедлив, – возразил Ник. – Он красивый.

Корби посмотрел на Ару. Оба одновременно пожали плечами.

– Это красивая летающая мясорубка, – резюмировал Корби.

– Я хотел дождаться Андрея, а потом показывать, – сказал Ник, – но уже почти половина девятого.

Он расстегнул свою сумку. Черные края молнии расползлись. Свет закатного солнца пятнами упал на обтекаемое серебристое тело. То, что раньше было одиноким острым ребром, теперь оказалось вершиной изогнутого хвоста. Внутри полукруглой рамки замер маленький винт. Ник обеими руками поднял модель.

– Ух ты, – тихо сказал Ара.

– Красивая мясорубка, – усмехнулся Ник.

– Это вертолет, – догадался Корби, – только без лопастей.

– Лопастей одеваются, – объяснил Ник.

– Твой отец сам его сделал? – удивился Корби.

– Да, – кивнул Ник.

– Это вертолет твоего отца? – переспросил Ара.

– Я не крал его, – объяснил Ник, – просто одолжил.

Корби поморщился.

– Неважно, – отмахнулся Ара. – Это вещь.

Солнце отражалось от воды. Корби смотрел, как солнечные блики плывут по серебристому борту. Модель была красивой и очень техничной. Она вся состояла из гибких линий. Лишь тонкие швы и крепления винтиков, заглубленных в корпус, выдавали то, что вертолет не является единым слитком пластика или металла.

Ник нащупал что-то на дне своей сумки, достал. Устройство в его руках выглядело как трубка, но когда он произвел с ним несколько манипуляций, оно раскрылось подобно зонтику. Ник опустил основание винта в муфточку на крыше вертолета и зажал крошечные рычажки под лопастями. Он рукой крутанул винт, и тот легко закрутился. Вокруг основания механизма были два маленьких шарика-противовеса.

– Эта штука правда летает? – недоверчиво спросил Ара. Пока Ник орудовал с устройством, он успел откупорить еще одну бутылку вина и теперь снова наполнял стаканы.

– Еще как, – заверил Ник. Он достал из сумки вторую съемную деталь. Это оказалась видеокамера. Корби не решился бы судить о том, как она выглядела раньше: отец Ника или переделал ее, или сделал вообще с нуля. Устройство было забрано в такой же непроницаемый обтекаемый корпус, как и вся модель. Ник задвинул салазки камеры в полозья на брюхе вертолета и зажал защелку. Камера слилась с моделью.

– То есть, ты видишь, куда летишь? – спросил Корби.

– Да, – подтвердил Ник, – но суть не в этом. Отец все это сделал для работы. Камера маленькая, но видео будет профессионального класса. Они хотят, чтобы камера летала между городскими домами, там, где не разрешат летать ни одному настоящему вертолету.

– Круто, – понял Корби.

– А потом к отснятому видео трехмерщики подрисуют все, что угодно, хоть корабль инопланетян.

– Здорово, – одобрил Ара. – А можно просто запустить два вертолета, чтобы вертолет с камерой гнался за обычным вертолетом?

– Это будет нужно, если папе закажут рекламу вертолетов, – сказал Ник. Он достал из сумки последнюю вещь. Это был пульт вроде тех, которым снабжают радиоуправляемые машинки, но более сложный. К блоку с рычажками сверху был приделан айпод.

– Видео выводится на эту штуку, – объяснил Ник.

– Твой папа гений, – заметил Ара.

– Покажешь, как это все работает? – спросил Корби.

– Не здесь, – возразил Ник. – Отец меня убьет, если вертолет винтом запутается в ветвях.

Допивайте и пойдем к школе.

Он потянулся к своему стакану, но Ара его остановил.

– Подождите, – сказал он. – Мы ведь все принесли то, что обещали.

– Да, – согласился Корби.

Ник просто кивнул.

– Значит, мы банда, – заключил Ара.

– Я говорил про три условия, – запнулся Корби.

– Какие? – спросил черный брат.

– Ну, я еще не придумал, – сказал Корби. – Неважно. Андрей все равно не пришел.

– Тогда это фигня, – решил Ара, – и мы уже банда. Мы должны это закрепить.

– Ты романтик, – чуть улыбнулся Ник.

– Он прав, – серьезно сказал Корби. – Школа закончилась, но я этого не чувствую. Моя жизнь в полном дерьме. Надо это как-то изменить.

– Давайте поклянемся, что не расстанемся, – предложил Ара, – что всегда будем встречаться и...

Он сбился, не находя нужных слов. Несколько секунд над поляной висела тишина, которую нарушало только журчание воды.

– Банды бывают разные, – сказал Ник, – но обычно это что-то плохое. Я не хочу делать зло.

– Тогда что-то вроде Робин Гуда получается? – спросил Ара.

Корби слушал их и чувствовал, как в его взбудораженном вином мозгу происходит ядерный синтез событий сегодняшнего дня. Он бездомный сирота. Он не знал, что ответить Ире, не знал, что сказать отцу Ника, когда тот спрашивал его о будущем. Лузер. Никто. Да, у него есть прикольные друзья и смазливое личико, чтобы снимать девчонок, но это все, что у него есть. Неужели так?

– У банды должен быть главарь, – сказал Корби, – а банду придумал я.

Он, щурясь, посмотрел на Ника, ожидая, что тот возразит, но тот ничего не сказал.

– Значит, я буду главарем, – решил Корби.

Он поднял пистолет и встал, опустив дуло в землю – красивый, со вспыхнувшими от вина щеками, румянец которых так любила Ира.

– Я хочу, чтобы мы стали лучшими, – продолжал Корби. – Я хочу, чтобы в нашей жизни все было настоящим. Я хочу, чтобы в ее конце мы были не такими, как наши родители: как мой злобный тупой старик, как твоя мать – религиозная кликуша... Извини, черный брат.

Но Ара молчал, заморожено глядя на него.

– И как твой отец, Ник, – договорил Корби. – Алкаш. Хотя он лучший из всех троих.

Подросток замолчал.

– Он мог бы стать знаменитым мастером и изобретателем, если бы не сдался, когда умерла мама, – охрипшим голосом сказал Ник. – Если ты об этом, то да, я с тобой. Я за то, чтобы ни одна вещь нас не раздавила.

– Я об этом. – Корби сунул пистолет сзади себе за пояс и оправил рубашку так, чтобы оружия не было видно. Он чувствовал себя настоящим главарем маленькой банды. Ара был прав: неважно, как появилась эта идея – она им действительно прекрасно подходила.

– Пойдем, – сказал Корби. – Хочу увидеть леталку в действии.

Он залпом допил вино. Ник сделал то же самое. Аре вдруг представилась странная картина: Корби, бледный, в окровавленной белой рубашке, с развевающимися черными волосами, с древним длиннодулым дымящимся пистолетом в руке, стоит на скале и говорит: «следующий», – а под ним, с одной стороны, бесконечная очередь дуэлянтов, а с другой – обрыв, медленно заполняющийся трупами. Ара неплохо учился в школе. «Что-то из Лермонтова?» – подумал он.

– За нас, – сказал Ара и тоже осушил свой стаканчик. Потом встал и пошел за Корби. За главарем бандитов.

Глава 5

Второе испытание

Они вышли на футбольное поле перед школой. Ник опустил вертолет на гравий. У модели были мягкие лыжи-подставки, как у маленьких частных вертолетов. Потом он включил айпод, потыкал что-то на интерактивном меню, вспомнил, разобрался и повернул экран к друзьям.

– Вот, – сказал он.

– Класс, – хором ответили Корби и Ара. Они увидели поверхность поля, песчинки и камешки, далекие футбольные ворота и белую ограду школы за ними. Потом – деревья и клочок неба.

– Даже при съемке с настоящего вертолета, – гордо заметил Ник, – есть такая проблема, что камера захватывает части самого летательного аппарата, крыло или винт. А мой отец поставил ее так, что ничего подобного не видно. Кадр будто парит в воздухе.

Он активировал пульт. На индикаторе заряда батареи вспыхнула панель зеленых огоньков.

– От винта, – скомандовал Ник.

Друзья расступились.

– Полетит? – спросила Ара.

Ник не ответил. Лопасты сделали медленный оборот, потом еще один, и еще. Они вращались все быстрее, пока не исчезли, превратившись в единый сверкающий диск. Майки ребят затрепетали от потоков воздуха. Стало слышно тихое, с мелодическими переборами журчание мотора.

Лопасты раскручивались – три серебристых меча, три напряженные до предела струны. Можно было заметить, как скорость заставляет выпрямляться длинные, чуть провисавшие на концах алюминиевые пластины. Винт вертолета стал прозрачным, а потом совсем исчез из вида. Вокруг модели побежала песчаная поземка, разлетелись солнечные зайчики. Вертолет вздрогнул, теряя вес, его повело в сторону, и он оторвался от земли. Ник потянул рычажок «тангаж», и машина выровнялась, зависнув в метре над землей.

Корби, щурясь, смотрел на экран. Земля плыла, вертолет повернулся, и в кадре появилось веселое, пьяное лицо черного брата. Он помахал камере.

– Ник, пусть он летит, – попросил Корби.

Ник улыбнулся – и вертолет рванул вверх. На мгновение поток воздуха стал сильнее, а потом исчез. Машина из ветра и стали ушла далеко вверх, в солнечные сферы. В лопастях винта поднимались маленькие радуги.

– Покажи скорость, – сказал Ара.

Вперед и вбок, потом по кругу. Вертолет разогнался. Низко наклоняя нос, он два раза обошел поле по краю, потом снизился над оврагом и чиркнул по самым макушкам деревьев. Приблизившиеся листья со сногсшибательной скоростью проносились в кадре камеры.

Ник снова поднял машину, устремил ее вверх, заставил перевернуться, потом снизил скорость и подвесил вертолет высоко в небе над центром футбольного поля. Но модель не замерла в воздухе, а тихо начала дрейфовать в сторону ручья.

– Ветер? – спросил Корби.

– Ага, – Ник послунывил палец и поднял его вверх.

– Нас от ветра заслоняет школа, – сказал он, – а в небе он сильный.

Ему пришлось снова взяться за рычажки управления, чтобы вернуть аппарат на прежнее место.

– Можно осмотреть крышу школы, – предложил он.

– Давай, – обрадовано согласился Ара.

Ник повернул леталку и направил ее к зданию.

– Черт, я вижу парты в классе математики, – подивился Корби.

Вертолет приблизился к зданию. Теперь он шел медленно, борясь с фронтовым ветром. В кадр, наконец, попала крыша – черные полосы рубероида, залитые варом, выходы вентиляции и еще какие-то непонятные надстройки. Корби перестал смотреть на экран айпода и взглянул вверх, на серебристую модель, плывущую над краем крыши. Крошечная тень вертолета падала на окна класса математики. Ник тоже смотрел вверх. За экраном следил только Ара.

– Ребята, – вдруг сказал он. Корби посмотрел на него, а потом на изображение с камеры. Там что-то происходило. Хрупкий подросток сжался в тени вентиляционного выхода, а с другой стороны здания к нему подбирались две фигуры.

– Это Андрей, – сказал Ник. И тут же Корби узнал его. У прячущегося были золотистые волосы и клетчатая рубашка. В таких рубашках ходил только прилипала. Все нормальные ребята носили майки, часто с прикольными рисунками или с лицами любимых музыкантов.

– Он в беде? – спросил Ара.

Ему никто не ответил. Все трое не могли оторвать взглядов от экрана.

Преследователи Андрея были в черных масках и напоминали киношных ниндзя. Но в том, как они шли по крыше, не было ничего киношного. Они спокойно заглядывали за каждый выступ, в каждую тень, и было понятно, что они найдут Андрея.

Но им не пришлось этого делать. Внезапно, в каком-то паническом порыве, тот сорвался и побежал. Двое бросились за ним. Ник почти машинально поднял вертолет вверх, так что тот охватил кадром всю крышу. Она замыкалась в единое кольцо. На крыше другого крыла был еще один человек. Он шел, огибая по кругу школьный двор. Было понятно, что рано или поздно он зайдет Андрею в спину.

Андрей метался от одного укрытия к другому, но спрятаться уже не пытался. Он, видимо, рассчитывал обмануть своих врагов и между них прорваться обратно к открытой двери спуска на чердак. Но его преследователи были очень быстрыми и ловкими. Андрей почти проскочил вокруг одного из них, но тот зацепил его рукой за плечо, и они оба чуть не упали. Подросток вырвался и побежал дальше, снова отступая. Он приближался к стороне крыши, обратной той, над которой парил вертолетик Ника. Вот он добрался до бортика и в отчаянии глянул вниз.

Корби понял, что может больше не смотреть в камеру. Он поднял голову и увидел прилипалу. Они смотрели друг на друга лишь одно мгновение. Потом Андрей оглянулся на подступающих преследователей и побежал вдоль бортика крыши. Корби видел, как он на бегу лихорадочно ищет что-то в карманах, ищет и оглядывается – то на врагов, то на троих подростков, стоящих далеко внизу. Наконец, ему попала в руки какая-то маленькая вещь. Он добежал до угла крыши, остановился, сложил руки рупором и изо всех сил закричал:

– Это я вам принес!

Он бросил вниз какой-то маленький легкий предмет белого цвета, похожий на кусочек жесткого картона. Ветер подхватил и его звонкий крик, и карточку. Белая точка закружилась в воздухе. Ее несло над футбольным полем, в сторону дачного поселка.

Ара бросился бежать за карточкой. Он глупо протягивал вверх руку, хотя белая точка еще летела в далеких пятнадцати метрах у него над головой.

– Корби, ты должен... – надрывая голос, продолжал Андрей.

Договорить он не успел. Один из преследователей налетел на него. Какую-то секунду они боролись. В руках Андрея блеснуло лезвие перочинного ножа, но противник выбил у подростка его оружие. Нож упал вниз, на газон.

Вертолет все еще парил над школой. В какой-то момент – когда Андрей крикнул про то, что он им принес – рука Ника дернулась, и леталку немного отнесло в сторону, но он почти сразу вернул его в прежнее положение, и его камера вновь была устремлена на две далекие

сцепившиеся фигурки. К ним подбежала еще одна. Третья замедлила шаги и спокойно шла к жертве. Корби оглянулся на Ника и увидел, что тот смотрит не на школу, а на экран айпода своего отца. И тут Ник сказал:

– Стреляй.

Корби вспомнил про пистолет, выхватил его из-за пояса и прицелился вверх. Он чувствовал, что стремительно трезвеет. На мгновение Корби увидел лицо Андрея. Тот лежал спиной на жестяном карнизе, его голова и плечи уже были за краем крыши, но он продолжал цепляться руками за своего противника.

– Стреляй, он падает, – без выражения, почти спокойно повторил Ник.

Корби показалось, что целик, мушка и корпус тела первого убийцы находятся на одной линии. Он нажал спусковой крючок. И ничего не произошло – «стечкин» был на предохранителе. Корби снял пистолет с предохранителя и поставил флажок на режим одиночной стрельбы.

Он успел подумать, что очередью стрелять нельзя – можно убить обоих. А потом – что, возможно, они все неправильно поняли, и на крыше происходит какая-то игра, а он сейчас убьет невинного человека. И все же, несмотря на свои сомнения, Корби собирался выстрелить.

Он снова прицелился, но в этот момент Андрей упал вниз.

***

– Нет, – тихо сказал Ник.

Андрей упал на асфальтированную дорожку рядом с газоном, в траве которого секундой раньше исчез его нож. Тело подростка чуть подпрыгнуло, вздрогнуло и замерло.

«Я видел убийство», – пронеслось в голове у Корби. Человек на крыше стоял и смотрел вниз, на трех свидетелей. «Это не наше дело», – подумал Корби. «Теперь все наше дело, – тут же возразил он себе, – что-то вроде Робин Гуда значит восстанавливать справедливость». А еще он подумал, что прилипла точно был не настолько плохим парнем, чтобы убивать его.

– Я поймал! – издали, с другого конца поля, закричал Ара.

Его слова перекрыл оглушительный грохот выстрела. Корби сразу понял, что не попал. Его ладонь заныла от отдачи. Гильза с шипением упала на гравий у его ног. Он поддержал руку с пистолетом второй рукой и выстрелил снова. Теперь вышло более точно. Корби показалось, что он видел и слышал, как пуля чиркнула о карниз крыши. Но силуэт убийцы уже скрылся из поля зрения.

– Мы ведь должны задержать их и сдать в полицию? – спросил Корби у Ника.

– Что случилось? Где Андрей? – закричал Ара. Корби слышал, как он бежит обратно к ним.

– Они спускаются на чердак, – ответил Ник. Корби сообразил, что Ник все еще видит преступника с помощью своей летающей камеры. Он побежал к школе, но не к тому месту, куда упал Андрей, а к одному из запасных выходов первого этажа.

– Ара, беги за Корби, – скомандовал Ник, – а я вызову скорую.

«Скорая Андрею не нужна», – подумал Корби. Он пересек подъездную дорожку, в три прыжка взобрался на невысокий косогор у фундамента школы и подбежал к дверям запасного выхода. Ара догнал его через полсекунды.

– Что произошло? – опять спросил он.

– Андрей стрелял с крыши, – скороговоркой проговорил Корби, – я упал в его убийцу.

Он понял, что сказал бред, и страшно разозлился на себя.

– Как? – не понял Ара.

Корби увидел лицо черного брата, отраженное в стеклянной двери запасного выхода. Ара стоял спиной к школе, когда все произошло. Он еще не понял, или не хотел понять, что случилось.

– Андрей лежит там, мертвый, – Корби повернулся и показал.

Ара посмотрел вдоль стены школы и, наконец, увидел тело погибшего подростка. Оно лежало у дальнего угла здания, метрах в восьмидесяти или ста от того места, где стояли они.

– Ты? – спросил Ара.

– Нет, дурак, – ответил Корби. – Его столкнули, а я стрелял в...

Он почувствовал, что может опять запутаться в словах. Идиотское бессилие мысли злило. За бестолковым разговором они уже потеряли две, три, или даже четыре драгоценные секунды. Корби не договорил и с размаху рубанул тяжелым дулом «стечкина» по стеклу. Осколки со звоном посыпались на кафельный пол первого этажа.

***

Пожарные выходы школы запирались изнутри с помощью простых щеколд. Рискуя изрезаться стеклом, Корби просунулся внутрь, отодвинул тяжелый стержень большого шпингалета и пинком открыл дверь.

– Убийцы внутри здания? – спросил Ара.

– Да, – сказал Корби. Он был рад, что черный брат наконец-то понял его. Они вбежали внутрь школы и остановились на стыке коридоров центрального и правого корпусов, не зная, куда дальше идти. В школе было четыре лестничных клетки. Одна была закрыта, три другие использовались. Убийцы могли спускаться по любой. В наступившей тишине Корби услышал свое тяжелое дыхание. Пистолет холодил руку.

– Пойдем, – решил он.

Они двинулись вдоль по коридору центрального корпуса. Слева от них были пустые раздевалки, справа – окна, выходящие во внутренний двор.

Корби представил, что он будет делать, когда увидит людей в черных масках. Он подумал, что наведет на них пистолет и скажет: «Стой, стрелять буду». Они, возможно, попытаются убежать, и тогда он подстрелит кого-нибудь из них в ногу.

«А как ты объяснишь полиции историю с пистолетом? – тревожно спросил он себя. – Незаконное хранение оружия, незаконное ношение оружия, воровство, превышение необходимой самообороны, что еще?»

Они дошли до середины коридора. Здесь был центральный вход школы. На пустом ресепшене охранника зеленой лампочкой мигал телефон.

– Я что-то слышу, – прошептал Ара.

Корби тоже слышал. Кто-то сбегал вниз по лестнице, расположенной между центральным и левым корпусами.

– Мы все делаем неправильно, – тоже шепотом ответил Корби. – Не надо по ним палить. Надо вызвать полицию и срочно спрятать пистолет...

Он не договорил, потому что в конце коридора, в тридцати метрах от них, появился человек в черной маске. Корби поднял пистолет и крикнул:

– Руки вверх!

Убийца легко отскочил в сторону и оказался в коридоре левого корпуса, вне поля видимости Корби. Подросток опустил пистолет.

– Вызывай полицию, – негромко сказал он. – Телефон охраны должен работать.

Убийца высунулся из-за угла. Корби снова поднял «стечкин».

– Убьешь меня, плохой мальчик? – крикнул человек в маске. – За это сажают в тюрьму!

– Проверь телефон, – напряженно повторил Корби.

– Да, – слабым голосом согласился Ара. Он неловко перебрался через стойку ресепшена и снял трубку. – Работает!

Убийца совсем перестал прятаться и медленно вышел на середину коридора.

– Ты ведь не будешь стрелять? – поинтересовался он. – Ты не такой, как мы.
– Корби! – неожиданно закричали сзади.

Корби узнал голос Ника и едва успел обернуться. Их с Арой обманули. Два других преступника подкрадывались к ним сзади. Им осталось пройти всего десять шагов. А в пятидесяти шагах у них за спиной был Ник. Он зашел в школу через тот же запасной выход, что и его друзья.

Один из убийц перемахнул стойку охраны и нажал сброс на телефоне. Ара отскочил от него за крутящийся стул охранника. Другой убийца прыгнул в сторону Корби, но подросток успел поднять пистолет и истерически закричал:

– Выстрелю!

Все замерло, только Ник продолжал медленно идти к центру коридора с одной стороны, а первый убийца так же медленно шел с другой стороны.

– Стреляй, – сказал Ник.

Корби облизнул высохшие губы и к своему ужасу увидел, что человек, оказавшийся у него на мушке, расслабляется. Из прорезей маски на него смотрели волчьим взглядом карие глаза.

– Он не выстрелит, – возразил первый убийца. – Он не такой, как мы.

Тот, кто пытался напасть на Ару, вырвал трубку из телефонного аппарата охраны. Корби подумал, что дело плохо. Украденный у деда «стечкин» был их единственным козырем. Корби вдруг понял, что полиция и все человеческие законы не работают в этом таком знакомом школьном коридоре в этот проклятый момент. Здесь был только один закон: либо ты, либо тебя.

Корби направил пистолет вниз, в пах преступника, и выстрелил.

Раненый с нечеловеческим криком упал на колени. Он схватился руками за промежность. Между пальцев у него текла кровь. Первый убийца бросился к Корби, но он все еще был слишком далеко, и его попытка не имела никакого смысла. Вторая из уцелевших масок отшвырнула стул, сбила Ару с ног и коленом придавила его шею к углу ресепшена. Лицо Ары посерело. Он беспорядочно перебирал руками по краю стола. Уже не думая о превышении самообороны, Корби выстрелил в противника Ары.

Он метил в голову, но промахнулся. Пуля раскроила маску. У убийцы оказалось женское лицо. Это была девушка лет семнадцати. Пуля оставила у нее на щеке длинный бледно-розовый шрам, на поверхности которого тут же начали выступать капельки крови. Оглушенная выстрелом, девушка перевалилась через стойку и побежала по коридору в сторону левого крыла здания.

В тот же момент рядом с Корби сшиблись первый убийца и Ник. Ник защищал Корби, и только его вмешательство помешало преступнику овладеть пистолетом. Ник полетел на пол. Но той секунды, которую он выиграл, Корби хватило, чтобы отступить в сторону и направить оружие на врага.

Корби увидел безумные синие глаза. Даже сквозь маску было видно, что бандит скалитесь. Он был на полголовы выше Корби. Под обтягивающим черным костюмом ходили мускулы.

– Не двигайся, гад, – прохрипел с пола Ник. – Я сейчас вызову полицию.

Он достал мобильник.

– Попробуй, – предложил парень, – и увидишь, что из этого получится.

– Ник, он прав, – заметил Корби. – Нас посадят так же, как и их.

Убийца усмехнулся.

– Еще увидимся, – обещал он.

– Почему бы мне не отстрелить тебе яйца? – дрожащим голосом спросил Корби.

Синие глаза чуть прищурились. Парень больше ничего не сказал. Он отступил назад, рывком поднял на ноги скулящего товарища и, помогая ему, пошел вслед за убежавшей девушкой.

– Черный брат, – позвал Ник.

– Она меня чуть не убила, – булькающим голосом ответил Ара из-за стойки.

– Живой, – констатировал Ник и заплакал. Корби посмотрел на него. Вот теперь он по-настоящему не знал, что им делать.

– А Андрей мертвый, – сказал Ник. – Почему ты их не убил? Почему ты их всех не убил?

– Я бы сел, – ответил Корби. Он подошел к ресепшену и заглянул вниз. Ара лежал на полу и массировал шею. Его лицо почти вернуло свой нормальный цвет.

– Помнишь, – все еще булькающим голосом сказал он, – три испытания. Это было второе.

– Да, – опустошенно согласился Корби. В словах Ары была безумная логика. Все, что они сегодня думали и делали, подчинялось ей. Они стали бандой. Они стреляли в других людей. Или нет? Может, им как раз предстояло столкнуться с настоящей бандой, чтобы понять, насколько смешны и ничтожны были их фантазии? Корби не знал. Да и какое значение это имело теперь?

– Гады, – рыдал Ник.

Где-то далеко взвизгнула покрывками машина. Убийцы скрывались с места преступления.

Глава 6

Совет

В школе Корби предпочитал сидеть у двери, и его часто посылали за всякими мелочами. Он был рад пройтись во время урока по пустым школьным коридорам. В отсутствие детей там было удивительно тихо и светло. Можно было видеть, как блики солнечных зайчиков бегают по потолку, когда уборщица огромной щеткой разгоняет по полу воду.

Теперь пол был в крови. Корби смотрел на следы, оставленные раненым убийцей. Ему хотелось бы, чтобы эти красные лужицы означали вино, а разгром вокруг – последствия пьяного загула. Все, что угодно, лишь бы не то, что на самом деле случилось.

Было девять часов вечера. Мертвый мальчик лежал у стены школы. Двери – взломаны, стекла – разбиты. Ресепшен – разгромлен во время драки. Оторванная трубка телефона валялась на полу у самых дверей парадного входа. В стене над стойкой охраны застряла пуля, которую Корби предназначал для девушки-убийцы.

Тишину нарушало шумное дыхание Ника. Его рыдания быстро закончились, но остались одышка и странные нервные вздрагивания.

– Ара, тебе помочь подняться? – спросил Корби у черного брата.

– Я сам, – ответил Ара. Он уцепился руками за край стойки и медленно встал.

– Надо сваливать отсюда, – сказал Корби, – и как можно быстрее. Мы не сможем объяснить все это.

Ник засмеялся. А может, это только казалось, что он смеется.

– Ник, ты в порядке? – испуганно поинтересовался Ара.

– Нет, – ответил тот и перевел взгляд с черного брата на Корби. – Самый плохой полицейский пес по такой погоде через полчаса приведет к дверям наших квартир. Пули из твоего «стечкина» опознают. И найдут мои неотвеченные звонки на мобиле Андрея. И все. Лучше сразу вызвать полицию.

– Пули можно найти, – возразил Корби. – Выковыряем эту из стены, и все. Две улетели в небо. Одна осталась в человеке... наверное.

Точно он сказать не мог, потому что не думал о пуле во время схватки. Теперь его взгляд лихорадочно метался по полу коридора в поисках того места, куда она могла попасть, если прошла навывлет.

– Корби, не глупи, – сказал Ара. – Ник прав. Мы все равно не уберем все следы.

– Табак сбивает собак со следа, – вспомнил Корби. – Я читал в рассказе про пограничников.

– А я читал комиксы про супермена, – Ник раскачивался, сидя на полу. – Там тоже были всякие способы делать вещи. И что теперь?

Он снова поднял свой телефон и нажатием кнопки разблокировал экран.

– Я звоню в полицию, – подытожил он, – и мы рассказываем всю правду.

– И нас сажают! – заорал на него Корби.

– Тебе дадут пару лет условно! – крикнул Ник в ответ. – А этих гадов найдут и посадят по-настоящему!

– Я не дам тебе позвонить, – сказал Корби.

– Да? – спросил Ник. – И что ты сделаешь? Пристрелишь меня?

– Что вы делаете! – тонким голосом закричал Ара. – Перестаньте, успокойтесь!

– Впрочем, это неважно, – усмехнулся Ник. Крик, кажется, помог ему успокоиться. –

Андрея найдут в любой момент. И все всё узнают.

– Давайте уберем тело, – предложил Корби.

– Так нельзя, – сказал Ара.

– А может, это ты нанял этих парней? – вдруг спросил Ник. Он тяжело встал и отряхнул брюки. У него из носа все еще шла кровь. Корби облизнул губы.

– Ты спятил, – ответил он.

– Да вы оба спятили, – на грани отчаяния простонал Ара.

– На денежки деда, – продолжал Ник. – Там ведь тысяч сто, да? У тебя наверняка еще и осталось. Ты же ненавидел его. Хотел, чтобы он от тебя отстал. Нанял ублюдков. Они знали, что он придет сюда.

– Я не делал этого, – запротестовал Корби.

– Тогда почему тебе его не жалко, долбанный ты урод? – спросил Ник. – Тебе же насрать на него, насрать на все, что случилось. Ты ходишь тут и выделяешься со своей пушкой. Главарь банды, мать твою. Крутой пацан с района, да?

– Ник, прекрати, – сказал Ара.

– Пусть он сначала прекратит, – потребовал Ник. – Пусть уважает Андрея, хотя бы мертвого.

Внезапно он содрогнулся, и из его глаз снова потекли слезы.

– Ты медлил с выстрелом. Медлил, когда Андрей уже висел головой вниз. Ты хотел, чтобы все так кончилось.

– Нет, – возразил Корби. – Я запутался. Не снял с предохранителя.

Ник отвернулся и пошел к выходу. Корби на мгновение поймал испуганный взгляд Ары, а потом тот бросился следом.

Корби заметил на полу стреляную гильзу, подобрал ее – она еще была чуть-чуть теплой – и побежал за друзьями.

***

Они прошли вдоль школы и остановились в десятке метров от разбившегося Андрея. Ник уткнулся лицом в стену. Когда Корби подошел к ним, черный брат трепал Ника по плечу.

– Ник, Ник, все было по-другому, – увещевал он друга. – Я думаю, Андрей что-то украл, что-то действительно важное для каких-нибудь очень плохих людей. Украл, чтобы принести к нам на встречу, и его за это убили. Послушай меня, Ник.

– Что он бросил? – глухо спросил Ник. – Я не видел, леталка была с другой стороны.

Ара вытащил из кармана маленькую белую карточку. Вблизи было видно, что на ней надпись – лейбл какой-то компании.

– Вот, – сказал черный брат.

Ник обернулся, шмыгнув носом, угрюмо посмотрел на Корби. Потом перевел взгляд на карточку.

– Убили за это? – с недоумением спросил он.

– Ну, совсем не обязательно, – сказала Ара. – Но ведь так может быть.

– Может, – подтвердил Ник. Он повертел карточку в руках. Она была плотной и жесткой. Ник попробовал ногтем пальца открыть ее запаянный край, но у него не получилось, и он не стал ломать ее.

– Что там написано? – поинтересовался Корби.

– West Wind. Inc., – ответил Ара. – Какая-то компания.

«Западный ветер», – мысленно перевел Корби. Он вспомнил, как эта карточка летела, подхваченная потоком воздуха. Западный ветер.

– Эта штука похожа на магнитный ключ с данными, – заметил Ник.

– Вроде личной карточка москвича? – спросил Ара.

– Да, – подтвердил Ник. – Это может быть ключ от камеры хранения или от номера дорогой гостиницы. Да от чего угодно.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Ник сел прямо на асфальт, привалился спиной к стене школы и, шурясь, смотрел на заходящее солнце. Ара смотрел на Ника. А Корби смотрел на Андрея. Сейчас он как будто впервые увидел его. Может, впервые за все время, которое они были знакомы.

Мертвый подросток лежал на спине, безвольно раскинув руки. Одна его нога, странно вывернутая, была согнута в колене, другая лежала прямо. Его лицо было бледным, спокойным, красивым. Корби не мог понять, была ли эта красота раньше – или появилась только сейчас. Золотистые глаза Андрея смотрели в небо, золотистые волосы промокли от крови, как и ворот рубашки. Его голову как будто окружал алый нимб.

– Если из-за твоей глупой игры он украл этот ключ у настоящих бандитов, – тихо сказал Ник, – тогда ты все равно виноват в его смерти.

– Ник... – пробормотал Ара.

– И ты виноват в том, что он был одиноким, – добавил Ник, – и несчастным.

Корби вдруг почувствовал ненависть – и к Нику, и к мертвецу.

– Он мог дружить с кем угодно, – зло ответил он. – Зачем он ко мне лез? Зачем сюда пришел? Вон целая куча людей. Весь класс! Вся школа! Дружи – не хочу. Все твои. Так почему я? Почему ему был нужен только я? Почему он свихнулся на мне?

– Замолчи, – попросил его Ара.

– И, между прочим, Ник, – заявил Корби, – это ты с ним общался больше нас всех. Чем обвинять других, мог бы подумать сам, кто мог его убить. Или это ты его заказал по мотиву, о котором никто не знает, а? Приятно, когда тебя обвиняют?

– Да заткнись же ты! – пронзительно закричал на него Ара.

Корби заткнулся. К его удивлению, Ник ответил.

– У него богатая мать и деловой отец, – тихо сказал он. – Поэтому его тоже могли убить. Чтобы устроить их, или отомстить.

– Пугать, убивая самое дорогое? – спросил Ара. – После этого человеку станет все равно.

– У него еще есть маленькая сестра, – вздохнул Ник, – но я даже думать не хочу о таких вещах.

Он оглянулся на мертвеца, умолк. И наступила тишина. В траве застрекотал одинокий кузнечик. Подул ветер, принес запах солнечных полей и далекого соснового леса.

– Виноват Корби или нет, ведет себя как урод или нет, но я не хочу, чтобы он отправлялся в тюрьму, – сказал черный брат. – Поэтому нам надо решить, что мы будем делать.

– Спасибо, – выдавил Корби.

– Ага, – пробормотал Ник.

– Ник, – обратился к нему Ара, – ты самый умный. Что можно сделать, кроме простого звонка в полицию?

– Мы теряем время, – сказал Ник. – Если сейчас какой-нибудь собачник увидит нас тут с трупом, мы не отмажемся и сядем уже все. А если вызовем полицию, все будет выглядеть чуть-чуть лучше.

– О господи, – тяжело вздохнул Ара. – Прости меня за то, что я украл твое вино, господи. Ведь грешный тебе милее безгрешного. Прости меня и помоги нам всем.

Он добавил еще что-то по-армянски, чего Корби и Ник не поняли, потом замолчал.

– Иди-ка ты отсюда, – сказал Ник. – Иди и верни остатки вина на место.

Ара посмотрел на него, бледнея.

– Я верну, – решил он, – но не сейчас. Я вас не брошу. Вы друг друга сожрете.

– Да не сожрем, – не согласился Корби.

Ему никто не ответил.

– А камера в вертолете? – вдруг вспомнил Корби. – Она записала сцену убийства?
– Да, – подтвердил Ник.
– Значит, у нас есть доказательство, что это не мы? – спросил Корби.
– Ты прав, – серьезно подтвердил Ник.
– А где вертолет? – заволновался Ара.
– Я его на крышу посадил, – ответил Ник. – Это был самый быстрый способ от него избавиться, не разбив.

Корби вспомнил, как Ник хотел бежать к Андрею. Но побежал он не к Андрею, а за ними.
– Ты нас спас, – сказал Корби.
– Чего? – не понял Ник.
– Когда не дал громиле отнять у меня «стечкин», – пояснил Корби.
– Да, – согласился Ник. – Наконец-то немного человечности. Я не понимаю, Корби. Ты вроде и хороший парень, а смотрю на тебя – и тошно делается.

– Ну хватит уже, – сказал Ара.
Ник от него отмахнулся.
– Если у нас есть улики, – продолжал Корби, – единственной проблемой остается пистолет.
– Они были в масках, – возразил Ара. – Что, если экспертиза не сможет установить, мы это или не мы?

– Там офигенная камера, – напомнил Ник. – Изображение в айч-ди качестве. Даже цвет глаз можно будет установить.

– Ладно, – решил Корби. – Я здесь самый виноватый. Я сяду за эту пушку. Ник, звони в полицию.

– Убей в себе героя, – посоветовал Ник. – Я не хочу, чтоб ты жил с мыслью, что сделал нам большое одолжение.

Внезапно у Ары зазвонил телефон. Все вздрогнули. Черный брат достал мобильник, в недоумении посмотрел на экран.

– Это рыжая, – сказал он.

Телефон продолжал пиликать.

– Я с ней поговорю? – спросил Ара у Ника.

Ник пожал плечами. Черный брат ответил на вызов.

– Извини меня за то, что было ночью, – сразу попросил он.

«Его еще волнует то, что было этой ночью», – удивленно подумал Корби.

– Нет, я не специально, – отвечал Ара. – Нет, я сейчас не могу... Я жутко влип... Нет, я потом объясню... Да, как только буду свободен... Честно, честно...

Ара отошел от друзей, и теперь ветер уносил его слова в сторону. Корби поймал на себе пристальный взгляд Ника.

– Ты до сих пор держишь в руке пистолет, – заметил Ник. – Убери.

Корби вспомнил про «стечкин» и сунул его сзади за пояс. Ник начал оттирать с лица подсыхающую кровь, потом задумался, перестал и снова посмотрел на Корби.

– Звони своему деду, – сказал он.

***

– Что? – опешил Корби. – Зачем?

– Потому что он знает, что делать в таких случаях, – ответил Ник.

– Ты спятил, – сказал Корби. – Он не будет мне помогать.

Ник пожал плечами.

– Выбор простой, – заявил он. – Либо ты звонишь деду – либо я звоню в полицию. Минута на размышление.

– Да это одно и то же! – выкрикнул Корби.

Ник поднялся с асфальта.

– Хочешь, чтобы тебя отмазали? – спросил он. – Тогда звони деду.

– Он убийца, – сказал Корби. – Он такой же, как те трое. Он убил семнадцать человек.

– Что, серьезно? – удивился Ник.

– Да, – подтвердил Корби. – Он сам мне сказал.

– Не ругайтесь, – возвращаясь к ним, потребовал Ара.

– Мы не ругаемся, – ответил ему Ник. – Я нашел выход. Корби должен позвонить своему деду.

Черный брат задумался. Его глаза перебежали от Ника к Корби и обратно.

– Я не сделаю этого, – сказал Корби Нику. – Ты сам называл его уродом и палачом НКВД. Ты говорил, что я должен ему разбить лицо.

– А он и есть урод, – с нажимом подтвердил Ник. – Но если ты еще не понял, ты – почти такой же. Ты сейчас на его земле, в его мире. Ты принес к нам его пистолет, и вот уже вокруг умирают люди!

– Не надо вешать мне лапшу на уши, – возмутился Корби. – Причем здесь пистолет?

– Притом, – ответил Ник. – Вся эта игра была твоей идеей. Ты Ару толкнул на преступление, а Андрея на смерть.

– Корби, он прав, – поддержал Ара. – Только дед может тебе помочь.

– Да он будет рад, если я сяду, – возмутился Корби.

– А ты на коленях попроси, – предложил Ник.

– У него связи, ты сам говорил, – напомнил Ара.

– Если я сейчас попрошу у него помощи, он сделает из меня раба, – уголки губ Корби задрожали. – Давайте просто уйдем.

– Куда? – спросил Ник. – В *мой* дом?

– Ты же мой друг, – пробормотал Корби.

– Пока еще да, – согласился Ник, – но ты меня не слушаешь.

– А твой отец? – поинтересовался Корби. – Он не сможет помочь?

– Мой отец совершенно не будет рад тому, что заигравшиеся детишки вылили на него ушат дерьма, – сказал Ник. – И не надо приплетать его сюда. Мне и так уже страшно представить, как я буду выглядеть в его глазах после всего этого. Твоя минута прошла.

Он достал телефон.

– Полиция или дед? – спросил он.

– Корби, – сказал Ара, – ты ведь сам хотел, чтобы мы позвонили в полицию. Так звони деду. Это лучше.

Корби почувствовал, как на лбу у него выступает холодный пот. Казалось, друзья где-то очень далеко. А еще у него было ощущение, что кто-то воткнул нож ему в сердце и вращает его там.

– Ладно, – выдавил он и непослушными пальцами нашарил в кармане телефон. – Ладно, черт подери.

***

Он набирал знакомые наизусть цифры, и к нему вдруг пришло воспоминание из глубокого детства. Когда-то, очень-очень давно, Корби набирал этот номер и, затаив дыхание, ждал, что услышит голоса Деда Мороза и Снегурочки. Это был звонок в волшебную страну. Там всегда шел снег, всегда стояла елка и жили северные олени.

– Алло, – вспомнил Корби свой детский испуганный голос.

– Да, Дед Мороз слушает.

По спине у Корби побежали мурашки. Это продолжалось, пока ему не исполнилось шесть лет. Он помнил смертельное равнодушие взрослых, которым они ответили на разоблачение своей маленькой игры. Никто из них не сказал ни слова в защиту сказки. Она умирала в конвульсиях, растоптанная и одинокая.

Потом, когда Корби уже учился в школе, умерла следующая сказка. В какой-то момент он понял, что родители его родителей совсем не «милые пожилые люди».

– Подожди, молодой человек... У меня большой-большой список пожеланий, от всех детей мира... Сейчас я заполню графу с твоим именем...

Ложь. Дед Мороз говорил голосом полковника КГБ. «Что мы наделали, – думал Корби, слушая гудки в трубке. – Нет. Что я наделал. Теперь всему конец». Он не плакал, не было комка в горле – только какое-то чувство пройденной границы.

– Да, – раздалось в трубке.

Несколько секунд Корби не мог придумать, что сказать.

– Алло, алло, – позвал дед.

– Это я, – наконец решился Корби.

Он вдруг понял, что старик может просто бросить трубку, и тогда вся затея Ника полетит псу под хвост. Дед не дослушает и до второго слова.

Но старик заговорил.

– Твое неуважение к старшим дошло до предела, – сообщил он. – Чем обязан?

– Я, кажется, попал в беду, – сказал Корби, – и мне нужна твоя помощь. Извини за то, что я сделал утром.

– По-хорошему, тебя надо отлупить обломками этой швабры, слизняк, – с удовольствием ответил дед. Он начал говорить что-то еще, в основном оскорбления, но Корби не стал слушать.

– Я сделал не только это, – перебил он. – Я взял твой пистолет, и здесь была перестрелка.

– Что? – переспросил дед.

– Я взял «стечкин», – бледным голосом повторил Корби. Он вдруг почувствовал, что не существует. Ему стало как бы все равно.

– Ты шутишь? – спросил дед.

– Ключ под ковром, – объяснил Корби. – Я давно это знаю. С крыши школы столкнули мальчика...

Он ровным, невыразительным голосом, почти не сбиваясь, рассказал, как все было. Дед не перебивал.

– Сиди там и жди меня, – внезапно приказал он.

В трубке раздались гудки.

Корби посмотрел на Ника. Тот казался очень усталым.

– Что он сказал? – спросил Ара.

– Чтобы мы ждали, – ответил Корби.

– Он придет? – уточнил Ник.

– Я не знаю, – сказал Корби. – Он просто сказал, чтобы мы ждали и не уходили, а потом повесил трубку.

– Молодец, – похвалил Ник.

Корби усмехнулся.

– Нет, ты правда молодец, – повторил Ник.

– Пошел ты, – тихо ответил Корби.

– Все будет нормально, – попытался успокоить его Ара.

– Нет, – Корби мотнул головой. – Я погиб.

Он отвернулся от друзей и уставился вдаль – на противоположный склон оврага, крыши дач и далекую темно-зеленую полосу леса.

– Так тихо, – сказал Ара. – Здесь никогда не было так тихо.

И правда, тихо. Корби вдруг услышал тишину. Полную, спокойную, слегка звенящую. Не ходили поезда, не летали самолеты, не было машин. Они словно оказались в каком-то неведомом месте вне этого мира, вне знакомого пространства и времени. И было бы так легко поверить в сказку, в прекрасный вечер замечательного дня, если бы не Андрей, неподвижным взглядом наблюдавший, как небо меняет цвет, если бы в их словах и мыслях о тишине не было трусливого подтекста, что никто еще пока не обнаружил их над телом мертвого подростка.

Глава 7

Закат

Дед объявился ровно через полчаса. Когда он вошел на территорию школы, багрово-оранжевое солнце, плавясь и тая в вечерней дымке, уже опускалось за горизонт. Деревья далекого леса четкими черными силуэтами проступили на фоне огненного диска. Красные всполохи отражались в окнах школы. Из оврага начали медленно подниматься сумеречные тени, но на футбольном поле еще было светло.

– Кто-то идет, – тревожно сказал черный брат.

Ник поднял голову.

– Похож на препода по технологии, – заметил он. – Нам кранты.

– Нет, – возразил Корби, – это мой дед.

Он подумал, что сейчас наверняка будет грязная сцена. Ему захотелось лечь на асфальт рядом с Андреем и тоже умереть. Исчезнуть.

Старик шел торопливо. Его замучила одышка, он вспотел.

– Пистолет! – закричал он с середины поля.

– Отдать? – спросил Корби.

– Да! – потребовал дед. – Быстро, дурак!

Корби вытащил «стечкин» и сделал шаг навстречу старику.

– Нет! – закричал тот. – Не по траве. Да. Вот так! Солнце... солнце садится...

Там, где асфальтированная дорожка спускалась с косогора, была маленькая бетонная лестница. Корби сошел вниз по ней и протянул оружие деду.

– Когда я говорю «быстро», ты бежишь, понял? – прошипел тот, выхватывая пистолет у внука из рук. – Солнце садится. Как я скажу им, что стрелял в темноте?

– Вы возьмете это на себя? – спросил Ник из-за плеча Корби. – Скажете, что стреляли сами?

– Да, – односложно ответил старик. Он привычным движением достал из пистолета «стечкина» магазин, взглянул на пули.

– Четыре? – поинтересовался он.

– Что? – переспросил Корби.

– Четыре раза стрелял? – рявкнул дед.

– Да, – хором ответили все трое ребят.

– Куда? – спросил старик.

– Два раза туда, – Корби показал вверх, – в небо над крышей школы.

– Когда они были там? – спросил дед.

Корби кивнул.

– Точно не в стену попал? – уточнил дед.

– Одна чиркнула об карниз... кажется, – сказал Корби, – потом отрикошетила в небо.

– Это так, – подтвердил Ник.

– Хорошо, – промурлыкал старик, – а гильзочки где?

Его еще мучила одышка, но он вдруг начал выглядеть таким довольным, каким Корби не видел его ни разу в жизни.

– Там, где упали, – сказал Корби.

– Идиот! – рявкнул дед. – Где они упали?

– Корби стоял рядом с нашими вещами, – сообщил Ник, – вон там.

– Ищите, – приказал старик. – И ты, черномазый, – он грубо ткнул пальцем в Ару, – быстро, я сказал.

Черный брат не сдвинулся с места.

– Я не собачка, – сказал он, – и говорить так со мной Вы не будете. Неприятности здесь только у Корби. А я, если захочу, могу вообще уйти отсюда или просто позвонить в полицию.

Старик мгновение смотрел на него.

– Вот, – обращаясь к Корби, заметил он, – а я тебе говорил, чего стоят такие друзья. Ведь говорил.

Лицо Корби вспыхнуло красными пятнами, но он опустил голову и молчал. На скуле Ары заиграл желвак.

– Ничего они не стоят, – подытожил дед. – Чуть что, и бросят тебя.

– Если бы не его друзья, он бы даже не позвонил Вам, – гневно сказал Ник.

– Вот как? – удивился старик. – Ну, тогда слушайте меня.

Ара отвернулся от старого полковника, молча прошел мимо Корби к центру футбольного поля и стал всматриваться в россыпь гравия. Ник последовал его примеру.

– А ты что стоишь? – прикрикнул на Корби дед.

Корби пошел вслед за друзьями. Рябин заложил пистолет подмышку, выковырнул из обоймы верхнюю пулю. Потом поискал рукой в кармане брюк, достал еще две пули и зарядил их в обойму, а поверх них обратно вставил ту пулю, которая раньше была верхней.

Трое подростков, наклонившись, прочесывали пять квадратных метров правее того места, где лежали их сумки и рюкзаки.

– Ты мог бы хоть слово сказать, – заметил Ара.

Корби не ответил.

– Нашел! – крикнул Ник. – Прямо рядом лежат.

Он поднял две гильзы. Старик в этот момент уже осматривал тело погибшего.

– Хорошо, – отозвался он. – А где вы в школу вошли?

Ник показал на запасной вход. Дед затрусил по асфальтированной дорожке, идущей вдоль стены здания.

– Быстрее за мной, – поторопил он подростков, – только по асфальту!

Ребята бросились за ним, вверх по лесенке, мимо распростертого Андрея и дальше, по дорожке под стеной. Корби волочился позади. Внутри у него было темно. Он вспомнил, как со спокойной решимостью рассекал свои руки лезвием бритвы. Теперь это спокойствие почти вернулось. Поражение? Неудача? Не вышло стать героем? Неважно. Ничто не имеет значения, ведь все умрут – как Андрей, как отец и мать. Солнце зайдет, и наступит тьма. Пуля обязательно найдет свою цель. Кровь перекрасит воду в вино.

– Вот гильзы, – сказал Ник.

– Дай сюда, – обернулся дед. – Как вы шли к школе от центра поля?

– Они поднялись вон там, по склону, – показал Ник. – А я сделал крюк – хотел вызвать Андрею скорую.

– Ты звонил в скорую? – уточнил старик.

– Нет, – ответил Ник и передернул плечами. – Я понял, что он умер.

– Газон больше не топтали?

– Вроде бы нет, – ответил Ара. – Только если там.

Он показал в направлении, где лежало тело.

– Понятно, – оборвал его дед. – Ладно. Это потом.

Корби слушал их разговор и чувствовал себя в несокрушимом панцире одиночества. Дед, Ара и Ник стали для него бесконечно далекими. «Пусть делают, что хотят, – думал он, – они ничего не изменят и ничего не добьются».

***

Последние лучи солнца темным пожаром вспыхнули в верхних окнах школы. Огненный диск исчез за горизонтом, но небо над лесом еще светилось красным, оранжевым, розовым и фиолетовым.

– Как была разбита дверь? – Корби понял, что ему не в первый раз задают этот вопрос. Старик опять кричал на него.

– Он ударил, – попытался показать Ара.

– Корби? – тревожно сказал Ник. – Не витай в облаках.

– Я ударил дулом, – ответил Корби, – а потом перегнулся внутрь и сдвинул щеколду.

– Совсем идиот, – обругал его дед.

Они вошли в школу. В пустынных коридорах сгустился полумрак. Далеко впереди мерцал зелеными лампочками изувеченный телефон охраны.

– Ничего не трогать, – приказал старик, – и ходить только там, где уже ходили.

– Здесь мы стояли и думали, куда пойти, – показал Ара. – Потом Корби повернул сюда.

Все четверо двинулись вдоль по коридору центрального корпуса.

– Вон там мы остановились, потому что услышали, как идет один из них.

– Все как было, – приказал старик. – Шаг за шагом.

– На полу кровь, – предупредил Ник.

Отставной полковник остановился, присмотрелся.

– Слишком быстро запекается, – с досадой отметил он. – Дальше.

– Один из них спустился с лестницы, – продолжал Ара. – Корби взял его на мушку, но не стрелял. А тот говорил, что Корби не такой, как они, что он не выстрелит. И пошел к нам.

– Дальше, – сосредоточенно сказал старик.

– Корби сказал мне, чтобы я вызвал полицию, – снова заговорил черный брат. – С телефона на ресепшене. Хотя с мобильного было бы проще.

– Не рассуждай, – оборвал его дед. – Дальше.

Он обернулся к внуку.

– И ты. Твою версию я тоже хочу слышать.

– Он все правильно говорит, – равнодушно отозвался Корби.

– Я стал набирать полицию, – сказал Ара, – а тот парень подходил все ближе. Корби держал его на мушке. Потом закричал Ник.

– Я сажал вертолет, – вступил Ник. – Потом...

– На котором запись? – переспросил дед.

– Да, – подтвердил Ник. – Ну, то есть запись не на нем, а на айпode.

– И где это все? – спросил старик.

– Вертолет на крыше, – сказал Ник, – а пульт и айпод с нашими вещами в центре поля.

– А первые выстрелы Коли на пленке видно? – поинтересовался Рябин.

– Не думаю, – ответил Ник.

– А слышно? – допытывался дед.

– Там нет записи звука, – сообщил Ник.

– Хорошо, – кивнул старик. – Дальше.

Корби подумал, что это допрос. Старый полковник снова вышел на дело. Он стал почти таким же, как тридцать лет назад, когда он еще имел власть выбивать людям зубы табуреткой.

– Я посадил леталку, – продолжал Ник, – потом подбежал к Андрею и сразу увидел его глаза...

У него что-то булькнуло в горле, он неопределенно взмахнул рукой.

– Неподвижные, – сказал он. – Я не стал вызывать скорую и вдоль школы, там, где вы шли, побежал за друзьями.

– Дальше, – подстегнул дед. Казалось, он гонит вперед какое-то упрямое животное. Его «дальше» звучало все более сухо, отрывисто, нетерпеливо.

– Я увидел двоих в черном, – продолжал Ник, – и сначала хотел прыгнуть одному из них на спину, но потом понял, что они раньше доберутся до Корби, чем я до них, и закричал.

– Дальше.

– Можно я? – попросил Ара.

– Да, – согласился старик.

– Один парень стоял там, где сейчас кровь, – объяснил черный брат. – Корби повернулся и взял его на мушку. А тот, который вышел первым, остановился.

– И тот, который подбирался к тебе, тоже, – добавил Ник.

– Та, – поправил Ара. – Это была девушка. Она успела перелезть стойку и остановилась совсем близко от меня.

– Они все были в масках? – уточнил дед.

– Да, – подтвердил Ара, – но потом пуля Корби порвала маску у нее на лице.

– И никто из вас эту девушку не знает?

– Нет, – ответил Ник.

– Значит, убийцы в черных масках, – усмехнулся старик. – Как в этих ваших американских фильмах. Хватит шутики-то шутить. Это небось какие-нибудь ваши знакомые, а вы их покрываете. Вот и придумали про маски.

– Есть запись, – напомнил Ник.

– Ладно, дальше, – приказал дед.

– Первый из них опять что-то говорил, – вспомнил Ара, – а девушка оторвала трубку у телефона.

– А потом Корби выстрелил, – сказал Ник.

– Как? – спросил дед.

– В низ живота тому, который стоял вот здесь, – показал Ник.

Старик повернулся к Корби. Юноша бледно улыбнулся ему.

– Если проще, то я отстрелил ему яйца, – объяснил он. – Он схватился за них рукой и упал на колени. Кровь текла у него между пальцев.

Какое-то мгновение после его слов никто не произносил ни звука. Первым тишину нарушил дед.

– Дальше.

– Девушка стала душить Ару, – снова заговорил Корби. – Я хотел снести ей башку, но только оцарапал лицо.

– Она наклонилась вот так и прижала горло Ары коленом к углу стойки, – показал Ник, – а Корби стрелял отсюда, почти в упор.

– Дальше.

– Я увидел, что Корби открыт сзади для того, которого Ара называет первым, – продолжал Ник, – и попытался прикрыть Корби. Первый – огромный мужик. Он одним ударом разбил мне лицо, и я отлетел на пол, вон туда.

– Твоя кровь есть на полу? – спросил дед.

– Немного, – сказал Ник.

– Дальше.

Наступила тишина.

– Я лежал на полу и приходил в себя, – сообщил Ара. – Из-за стойки вообще ничего не видел.

– Корби, заканчивай, – предложил Ник.

– Я отпустил того парня, который ударил Ника, – заторможено ответил Корби. – Он забрал раненого, и они ушли в ту сторону.

– Понятно, – сказал старик. Корби различил тень презрительной улыбки. Он видел такую же улыбку много лет назад, когда заблудился в окрестностях их дачи и получил выговор, что настоящий разведчик так себя не ведет. Так взрослые свысока смотрят на ребенка, совершающего первую попытку сделать то, в чем они преуспели. Они упиваются короткими мгновениями своего превосходства, наблюдая, как он отбивает себе пальцы молотком, как тухнет под ветром его первый костер, как мяч попадает ему в лоб, как он кашляет от первой затяжки, морщится от вкуса спиртного и получает в шахматах детский мат.

Небо за окнами стало темно-фиолетовым.

– В общем, – подытожил Ник, – потом мы спорили, вышли обратно через тот вход, дошли до того места, где ждали Вас, и все.

– Мне звонила девушка, – присовокупил Ара.

– Ты ей разболтал? – спросил старик.

– Нет, – ответил черный брат, – мы просто поговорили.

– Хорошо, – выдохнул дед. Минуту он думал, потом повернулся к Корби.

– Дай мне свой сотовый.

Корби подчинился. Дед не стал звонить на горячую линию, а сразу набрал номер местного отделения.

– Алло, дежурный, – обратился он, – произошло убийство.

Пауза.

– В районной школе...

Пауза. Было слышно, как Ара громко сглотнул.

– Рябин Виталий Сергеевич, – представился дед. – Со мной три свидетеля... подростки.

Пауза. Ник переступал с ноги на ногу.

– Трое преступников... в масках...

Пауза.

– Нет... Да... Скрылись с места преступления... Убежали...

– На машине, – громким шепотом подсказал Ник. – Было слышно.

Дед зло глянул в его сторону.

– Возможно, на машине, – добавил он.

Пауза.

– Нет, только слышал, – пояснил старик. – Они убежали от меня, когда я пытался их задержать. Потом я слышал, как уехала машина.

Ник быстро закивал, подтверждая его слова.

– Одна из них – девушка, – сказал дед.

Его слова рассеянным эхом разлетались по пустынным коридорам школы.

– Нет, мой внук – один из свидетелей. Он позвонил мне уже после убийства. Я пришел и застал преступников.

Пауза.

– Тридцать седьмого года рождения. Служил в органах.

Пауза.

– Он испугался, позвонил мне, а я не поверил на слово, поэтому не стал звонить вам, а сам прибежал к школе.

Дед делано усмехнулся.

– Глупо, неправильно, – подтвердил он, – но что уж взять со старика.

Пауза.

– Его столкнули с крыши школы.

Пауза.

- Коля, – повернулся дед, – как звали погибшего?
- Андрей Токомин, – ответил за Корби Ник.
- Андрей Токомин, – повторил дед. – Они все одноклассники.

Пауза.

– Нет, кто люди в масках, я не знаю. А погибший и свидетели были одноклассниками. Ник тяжело вздохнул.

– Да, благодарю, – сказал старик. – Нас легко найти. Мы будем стоять у стены школы.

Пауза.

– Нет, не во внутреннем дворе. Снаружи. Еще раз спасибо.

Старик повесил трубку.

– Быстро за мной, – приказал он. – И слушайте, как все было...

Все четверо торопливо пошли обратно к выходу.

***

– Да, и запомните, – закончил инструктаж старик, – все случилось, когда солнце еще не село. В школе было светло. – Он оглянулся на Ника. – А позвонили не сразу, потому что приводили в порядок твое разбитое лицо... Ну-ка, подойди.

Ник сделал шаг в его сторону. Старик защемил его нос между своих пальцев и крутанул. Подросток вскрикнул.

– Ну что, идет? – спросил старик.

Ник молчал, закрыв лицо руками. Было видно, как по его подбородку сбегает темные дорожки.

– Хорошо, – одобрил дед. – Будет свежая. Осталось подновить покойничка.

Он подошел к Андрею и попытался опуститься на корточки, но не смог – подвели больные суставы. Ему пришлось встать на колени.

– Что Вы делаете? – спросил Ара.

– Не трогайте, – гнусаво потребовал Ник, – я не позволю.

– Остынь, – огрызнулся на него старик, – ничего ему не будет.

Он достал из кармана баночку и пипетку, склонился над лицом погибшего и осторожно закапал ему жидкость в глаза и в ноздри. Потом провел мокрым кончиком пипетки по мертвым губам.

– Ну вот, – закончил он, – готово. Коленька, помоги мне встать.

Корби не двинулся с места.

– Ну что же вы, – рассердился старик. Его пожалел только Ара. Не сразу, с опозданием почти в полминуты, он подошел к старику и протянул ему руку. Дед Корби даже не посмотрел на него. Он сверлил глазами внука.

– Я тебе это попомню, – обещал он. Корби не ответил.

Наступили сумерки. Издалека, со стороны ручья, донеслась трель какой-то ночной птицы. Скоро ее перекрыл вой приближающейся сирены.

Часть вторая ДЕПРЕССИЯ

Наступает ночь,

и нас слишком мало.

Джим Моррисон

Глава 8

Свидетели

Корби снился странный и страшный сон. Была осень. Лил дождь. На круглом плацу лежали тела нескольких десятков людей. Сожженные, застреленные или пронзенные, с вырванными глазами и перерезанным горлом. Некоторые из погибших еще цеплялись друга за друга. Они умерли в смертельной схватке, одержимые холодной ненавистью. Дождь затекал в их открытые глаза, в их мертвые оскаленные рты.

Вокруг плаца возвышались круговые каменные террасы. Там, наверху, горели факелы. Их принесли странные создания. Они выглядели как люди, но имели огромные красивые крылья с лазурно-золотым оперением. Корби мог бы подумать, что они ангелы или демоны, но в их лицах было что-то дикое и суровое, свойственное скорее людям древности, чем мифическим существам. Они ходили в одних набедренных повязках. Их спины вздувались желваками мышц, не существующих у обычного человека. Под тяжестью своих крыльев они наклонялись вперед и припадали к земле. Они сидели на корточках, опустив руки перед собой. В этом положении в них появлялось что-то даже звериное.

Создания спокойно расположились на террасах. Иногда кто-то из них срывался и улетал, спиралями поднимаясь вверх, в непроглядную бездну дождливого неба, а другой опускался вниз, чтобы, шумя крыльями, сесть на свободное место.

Внизу, между телами погибших, пробирались два человека: мужчина и подросток. Мужчина был похож на старого грифа. Он курил, кутался в длинное осеннее пальто и все время всматривался в лица погибших. Казалось, он очень устал. Корби узнал в пожилом человеке своего отца, но его лицо было изменившимся и каким-то безвременным, словно он просуществовал долгие годы не живой и не мертвый. А рядом с ним шел юноша с лицом Андрея. Он казался чуть старше, чем при жизни. Взгляд его был спокойным и печальным. Он убрал руки в карманы куртки и тоже смотрел на мертвецов

– Ты помнишь, как выглядит мой сын? – спросил отец Корби у подростка.

– Конечно, – ответил тот. – Он же мой лучший друг.

– Не боишься? – спросил мужчина

– Думаете, он здесь? – усомнился Андрей. – Я бы спросил о нем у тех, кто улетает.

«Эти его вечные сложные формулировки, – с раздражением подумал Корби, – как вчера утром он стал гнать про судьбу, так и сейчас».

Мужчина и подросток начали подниматься. Теперь они шли по одной из круговых террас, мимо полулюдей, несущих свою мрачную вахту. Мужчина держал подростка за руку.

– Не боишься? – спросил взрослый.

Андрей только покачал головой. Отсветы факельного пламени падали на его лицо, заставляли искриться золотистые волосы. Никто не пытался остановить их или заговорить с ними. Никто даже не смотрел на них. Казалось, для странных существ они не существуют.

По мере того, как они поднимались, облик Андрея менялся. Он молодел. Скоро он снова выглядел как ровесник Корби, а потом превратился в мальчика лет десяти. Ребенок тоже вел себя сдержанно, как будто давно привык к этому жуткому месту, странным созданиям и угрюмому взрослому, который сопровождал его. Вот его взгляд остановился на одном из ближайших крылатых факелоносцев – так дети беззастенчиво разглядывают в метро незнакомых людей.

– Давайте спросим этого, – предложил он отцу Корби.

– Попробуй, – ответил тот. – Я пойду дальше.

Он выпустил руку ребенка и вышел на берег ночной реки, облицованный серым гранитом. Там, в воде, лежало что-то темное и бесформенное. Мужчина некоторое время смотрел вниз, потом медленно поднял голову.

– Мальчик, эй, мальчик, – позвал он, – иди сюда. Я нашел.

Корби застонал и открыл глаза.

Он лежал одетый на своей кровати. Все его тело онемело и затекло. За окном был новый день. А над кроватью склонялся дед и тербил внука за плечо.

– Что? – пробормотал Корби. Язык еле ворочался у него во рту. Он чувствовал себя странно, как будто ночью его выпотрошили и набили ватой. Он приподнялся на локте, встряхнул головой и понял, что видел самый невероятный сон за всю свою жизнь. Потом он встряхнул головой еще раз и вспомнил вчерашний вечер. Это знание оглушило его, и он рухнул обратно в кровать.

***

Вечерние сумерки превратились в густой темно-фиолетовый мрак, когда подъехала первая полицейская машина. Ее обгоняли равномерные всполохи сигнальных огней. Тень от угла здания упала поперек лица Андрея, а потом поползла в сторону. Этот момент вдруг напомнил Корби что-то из прошлого – как однажды он остался у Ары на ночь, и тот зачем-то понес через комнату лампадку своей матери. Лампадка была из синего стекла. Корби помнил, как танцевал в ней огонек, как Ара крался по темной комнате, неся его в руках, как всполохи оранжевого и темно-синего цвета смешались на его лице. Зачем? Наверное, это была какая-то игра.

– Мою версию вы будете рассказывать не только полиции, но и родителям, и друзьям, и вообще всем, кто вас спросит, – напоследок напомнил старик.

Автомобиль обогнул школу и остановился внизу, на объездной дорожке под косогором. Вой сирены оборвался. Из легковушки показались двое полицейских. Один из них остался стоять у двери машины, другой поднялся по ступенькам бетонной лестницы, ведущей на косогор.

– Это понятно, – гнусаво ответил Ник. Он стоял, чуть запрокинув голову, и ждал, когда остановится кровь.

Полицейский подошел к группе людей, собравшихся вокруг тела Андрея.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он.

– Здравствуйте, – вразной откликнулись подростки.

– Кто звонил? – спросил полицейский.

– Я, – поднял руку дед Корби.

– Виталий Рябин? – уточнил полицейский.

– Да, – подтвердил старик.

В этот момент на соседней улице и во внутреннем дворе школы вспыхнули оранжевым светом лампы уличного освещения. Центральный вход школы выходил во внутренний двор, а один из корпусов не имел первого этажа и был поднят над землей на трех рядах простых бетонных колонн. Обшарпанный голый портик напоминал разросшуюся подворотню. Теперь блики света, проникшие между колонн, неровными квадратами легли на подъездную дорогу перед школой. Их было видно от места, где лежало тело Андрея.

– Вот черт, – сказал полицейский. – Здесь что, фонари не работают?

– Их здесь никогда и не было, – ответил Ник. – Мы зимой после уроков ходили почти вслепую.

– Плохо, – констатировал полицейский. Он оглянулся на своего товарища.

– Нужен фонарик, – крикнул он. – А лучше два.

– Нету у нас двух, – ответил напарник и полез обратно в машину.

Полицейский переминался с ноги на ногу. В нагрудном кармане его гимнастерки негромко шипела рация. Сквозь постоянный шум прорывались отдельные слова:

...ДТП на киевском...

...диспетчерская... ...диспетчерская...

...я Сокол, прием...

...нужно еще пару человек...

...код 309... ...код 309...

...диктую номер машины по буквам: Андрей, Егор, Сергей...

...мне нужен...

...диспетчерская... диспетчерская...

Корби поймал себя на том, что слушает шум эфира с большим интересом, чем происходящий у него на глазах разговор. Жизнь не остановилась; настоящее было полно событий, а будущее – возможностей. Люди умирали и рождались, машины мчались по дорогам, работали сверхсложные системы, бились сердца. Продолжался непрерывный полилог множества голосов. И его эхо поднималось к сумеречным небесам, в которые безмолвно смотрел Андрей.

– Упал с крыши? – спросил полицейский.

– Да, – подтвердил Ара.

– Его столкнули, – поправил Ник.

Служитель порядка невесело вздохнул, нажал кнопку на рации.

– Диспетчерская, я Ялта, – представился он. – Подтверждаю сообщение об убийстве.

Его голос дублировался шипящим эхом из динамика.

– Принято, Ялта, – затрещал в ответ нечеткий женский голос. – К вам едет оперативно-следственная бригада. Действуйте по инструкции.

– Хорошо, – ответил полицейский. Его напарник нашел фонарь и вместе с ним взбежал вверх по лесенке. Луч света заметался по траве косогора и остановился на лице погибшего подростка.

– Пацан совсем, – заметил напарник, рассмотрев Андрея. Он обошел тело и попытался приладить светильник к небольшому выступу в стене школы, но первый его остановил.

– Упадет, – сказал он. – Положи, положи его просто.

Фонарь был опущен прямо на асфальт, в тридцати сантиметрах от края кровавой лужи. Корби поймал себя на том, что в который раз смотрит на лицо Андрея, наблюдает, как по нему ползут тени, тщится уловить в нем движение, признак жизни.

– Тело не трогали? – спросил первый полицейский.

– Нет, – заверил дед.

– Отойдите от него на два метра, – попросил напарник. – И Вы, молодой человек.

Он показал на ноги Корби.

– Есть свидетели убийства? – поинтересовался первый.

– Все, – сказал Ара.

– Все? – удивился полицейский.

Дед Корби откашлялся.

– Не совсем так, – пояснил он. – Эти трое молодых людей – свидетели убийства, а я пришел позже, но успел застать убийц.

– А у Вас с лицом что? – спросил полицейский у Ника.

– Мне его разбил один из тех, кто столкнул с крыши Андрея, – ответил тот.

– Так, понятно, – подытожил полицейский. – Вы еще и пострадавший. Документы у вас есть?

– Нет, – хором сказали подростки.

– У меня есть, – ответил дед.

– Подходите к машине, – решил полицейский. – Вы первый. И остальные потом тоже.

Старик по широкой дуге обогнул тело Андрея и вслед полицейским спустился вниз по лесенке.

– Вот, – протянул он служивому какой-то листок.

– Что это? – не понял сотрудник.

– Право на ношение оружия, – объяснил дед. – Будет иметь значение, потому что я ранил одного из бандитов.

Он вытащил из-за пояса «стечкин» и, держа его двумя пальцами, как бы подвесил в воздухе перед носом полицейского.

– Так... – пробормотал служивый. – Час от часу не легче.

– Вы, молодой человек, обязаны сейчас его у меня забрать и оформить протокол, – проконсультировал дед.

– Не Вам судить, что я обязан, – недоверчиво глядя на оружие, сказал полицейский.

– Я, сынок, был офицером КГБ, когда ты под стол пешком ходил, – отчеканил дед. – Вот положим, я убийца – ты бы тогда уже мертвый был. Так что бери его. Ты обязан меня обезоружить, вплоть до выяснения всех обстоятельств дела.

– Не тыкайте мне и не угрожайте, – потребовал полицейский. Однако пистолет он у деда забрал и теперь тоже держал его двумя пальцами. Подростки молча наблюдали за сценой. Корби подумал, что «стечкин» сейчас напоминает какое-то дохлое мерзкое существо: к нему относились с брезгливостью, а он холодно и темно поблескивал в тусклых всполохах полицейской мигалки.

– Я не угрожал ни в коем случае, – возмутился старик. – Даже напротив, хотел предостеречь от возможных неприятностей.

– Ладно, ладно, – согласился полицейский. Он забрался в машину, отыскал в бардачке целлофановый пакет и сунул в него пистолет. Потом стал переписывать данные. Корби поймал на себе взгляд Ника.

– Помнишь? – спросил тот. – Утром я тебе сказал, что лучше бы ты разбил своему старику лицо.

– Да, – еле слышно ответил Корби. – И ничего этого не было бы.

Полицейский вернул бумажку деду.

– Следующий.

Подошел Ара.

– Фамилия, имя, отчество?

– Джинаганали Ара Феликсович, – ответил черный брат.

Полицейский чуть поднял брови.

– Отец был студентом из Буркина Фассо, – пояснил Ара.

– Тогда фамилию еще раз по буквам, – попросил служивый.

– Джон, Жюль, Инга, Наталья... – начала Ара.

Один за другим следовали рутинные вопросы. Третьим подошел Ник, четвертым – Корби. Полицейский еще переписывал его данные, когда подъехала новая машина.

Это был устаревший «уазик» с подслеповатой круглой мигалкой. Из него вышли четверо. Мужчина, который сидел рядом с водителем, сразу направился к патрульной машине. Видимо, этот человек был главным в группе – высокий, как баскетболист, с плоским усталым лицом и большими расплюснутыми губами. На нем был поношенный, но еще приличный костюм.

– Я следователь, Анатолий Геннадьевич Крин, – негромко представился он. – Это свидетели?

– Свидетели, – подтвердил из машины рядовой. – Этот парень – пострадавший, – он показал на Ника. – И пожилой мужчина... сам пытался задержать преступников. Он сдал мне пистолет.

– Как сдал? – переспросил Крин. – Как найденный? Или по разоружению населения?

Полицейский опешил и запутался.

– Он говорит, что из этого пистолета ранил одного из нападавших. Как вещдок, наверное... – попытался объяснить он. – У него разрешение на ношение.

Крин замычал, как от зубной боли.

– Вещдоки берут при понятых, – процедил он. – А теперь это хрен знает что и лишний ком бумажной волокиты.

Полицейский начал неразборчиво извиняться.

– Покажите пистолет, – потребовал Крин. – Там тело?

– Да, – подтвердил Ара.

Крин чуть ли не вырвал оружие из рук патрульного и злой, ни на кого не глядя, пошел к своим людям. Корби заметил, что дед улыбается. Все было устроено специально. Старый пройдоха разрушил какую-то важную формальность.

– Барыбкин, – приказал Крин, – с фонарем вокруг здания. Желтую ленту на все интересное.

Один из приехавших с ним мужчин засветил фонарик и быстрым шагом ушел в темноту

– Катунин, – продолжал Крин, – ленту вокруг тела. И дайте нам свет. Я хочу, чтобы повсюду был свет. Зайдите в школу и зажгите свет в каждом классе с этой стороны. Потом найдите мне материально ответственного за школу: директора, завхоза, все равно. Зотов, найдите понятых. И если кто-то что-то видел...

– Есть, – ответил второй оперативник. Он ушел в направлении окраинных пятиэтажек.

– Михаил Григорьевич, – окликнул Крин последнего из своих спутников, – пойдете.

– А куда ж мы денемся, – ответил тот. Он был самым старшим из всех, не торопился и ждал следователя в начале лесенки, ведущей на косогор. В руках у него был большой бело-красный ящик, с удобной ручкой для ношения. Корби догадался, что этот человек – судмедэксперт.

Крин и Михаил Григорьевич поднялись на косогор. Судмедэксперт установил свой чемоданчик в ногах Андрея и начал работу. Крин вместе с ним несколько минут провел у трупа, потом вернулся к патрульной машине.

– Вы хоть правильно свидетелей оформили? – спросил он.

– Да, – сказал полицейский. – Как раз закончил.

– Дайте посмотреть, – попросил Крин. Он пролистал бумажки.

– Хорошо, – одобрил он. – Так, а это что?

– Разрешение на... – начал полицейский.

– Вижу, – оборвал его Крин. – Верните владельцу оружия. Сейчас нам эта бумага не нужна. А на то, что Вы сделали, я рапорт напишу. Не потому что я злой, а потому что так положено.

На школьном дворе стало больше света: зажглись четыре старых фонаря по периметру футбольного поля. Стало слышно, как натужно раскаляются мощные лампы. Вслед за ними стал вспыхивать свет в классах. Крин с бумагами, заполненными патрульным, подошел к Корби и остальным.

– Господа, – сказал он, – прошу вас ответить на несколько общих вопросов. Пока без протокола.

– Хорошо, – отозвался Ник. Ему, наконец, удалось остановить пущенную дедом кровь. Он выглядел очень усталым.

– Кто своими глазами видел преступление? – спросил Крин.

– Мы трое, – ответил Ара.

– Знали погибшего? – поинтересовался Крин.

– Мы его одноклассники, – объяснил Ник.

– Откуда вы все видели? – уточнил следователь.

- С поля, – показал Ара. – Там до сих пор наши вещи.
- И мы записали убийство на видеокамеру, – добавил Ник. – Я могу показать.
- У вас с собой камера? – уточнил Крин.
- Я запускал модель вертолета с установленной на ней видеокамерой, – ответил Ник.
- Какая-то шпионская штука? – заинтересовался Крин. – Сами делали?
- Отец делал на заказ для киностудии, – ответил Ник, – но это к делу не имеет отношения.

По крыше бежали люди. Андрей и трое в масках, которые его загоняли.

- Как это, загоняли? – переспросил следователь.
  - Брали в клещи, – вмешался Корби.
  - Он от них убежал, – сказал Ник. – В общем, они прижали его к краю крыши. Он добежал до угла и там пытался защищаться. Это все есть на видеозаписи.
  - Очень хорошо, – одобрил Крин.
  - У него выбили что-то вроде перочинного ножика, – добавил Корби.
- Ребята переглянулись. В лице Ника появилась решимость.
- А потом он упал, – быстро закончил он, – и Корби позвонил деду.
  - Корби? – переспросил следователь.
  - Корби – это я, – объяснил Корби. – Прозвище.
  - Хорошо, – решил следователь. – С остальным мы разберемся, как только будут поняты, а сейчас... – его взгляд остановился на Корби, – я хотел бы поговорить с Вами.

Глава 9

Первая ложь

В «уазике» пахло потом и старой кожей. Крин привычно положил на руль большой планшет, запустил старый ленточный диктофон.

– Ваше имя и фамилия? – спросил Крин.

– Николай Рябин, – ответил Корби.

Крин быстро переписал данные Корби в форму.

– Как зовут погибшего?

– Андрей Токомин, – ответил Корби. – Отчество не помню.

– Вы знаете контакты его родных?

– У Ника спросите, – предложил Корби. – Они общались.

– Вы пришли вместе с друзьями? – поинтересовался Крин.

– С Ником, – ответил Корби, – а Ара нас ждал.

– Когда вы пришли? – уточнил следователь.

– Чуть раньше восьми, – сказал Корби.

Подъехала белая газель-труповозка, похожая на скорую, только без окон и без мигалки. Из нее вышли устало выглядящие люди в синих спецовках.

– С погибшим у вас была назначена встреча?

– Да, – подтвердил Корби. – Он тоже должен был прийти в восемь, но опоздал. Ник ему звонил и не дозвонился.

– Что случилось потом? – спросил следователь.

– Мы стояли в центре поля, – ответил Корби. – Ник запускал модель. У него на экране мы увидели, что по крыше бегут люди. Андрей и трое в масках.

– В масках? – переспросил следователь.

– В черных масках, – сказал Корби. – Все должно быть на записи.

Крин кивнул.

– Он от них убегал? – спросил он.

– Да, – подтвердил Корби. – Они прижали его к краю крыши.

Корби вспомнил, как Андрей кричал свои последние слова.

– Что вы делали в тот момент? – перебил его мысли Крин.

– Ничего, – соврал Корби. – Я ничего не мог сделать. Ник снимал их вертолетом, а мы с Арой просто смотрели. Он добежал до угла и там попытался защищаться. Его сбросили вниз.

Следователь кивнул.

– Пожилой мужчина с пистолетом – Ваш дед? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердил Корби.

– Как он здесь оказался?

– Я позвонил ему сразу после падения Андрея, – заученно отрапортовал Корби.

– Почему не в полицию? – удивился следователь.

– Ну, там же вроде какой-то другой код, – вывернулся Корби. – Я просил деда позвонить в полицию с городского телефона, а он мне не поверил и сам сюда пришел. И мы пошли внутрь школы.

– Вот так взяли и пошли? – спросил следователь.

– Н-нет, – медленно ответил Корби.

– Не волнуйтесь, – сказал Крин. – Просто рассказывайте, что случилось. Это не допрос. Нет протокола. Вы не даете мне показания, под которыми будет нужно ставить подпись. Пока не даете.

– Да, я не рассказал... – «вспомнил» Корби, – немного перепрыгнул...

– Перепрыгнули что? – уточнил Крин.

– Дед пришел через пятнадцать минут, – объяснил Корби. – До этого мы с друзьями сначала подошли к Андрею, а потом пошли вдоль школы до запасного выхода.

– Зачем? – спросил следователь.

– Просто... ну... была идея, что мы можем увидеть, как убийцы спускаются вниз, – попытался выкрутиться Корби, – и они действительно спустились, но не сразу, а уже когда подходил дед.

– Кто открыл двери школы? – спросил Крин.

– Мы, – сказал Корби. – То есть, я и дед. Он разбил стекло, а я просунулся внутрь и открыл щеколду.

Крин оторвался от листа и сквозь лобовое стекло уазика посмотрел на светящееся всеми окнами здание.

– Которую из дверей? – уточнил он.

– Ту, – показал Корби. – Дальнюю с этой стороны.

– До или после убийства? – спросил следователь.

– Конечно, после, – ответил Корби. – До убийства деда здесь не было.

– Хорошо, – кивнул следователь, – а как?

– Дед разбил стекло пистолетом, а я просунулся внутрь и сдвинул щеколду, – объяснил Корби.

– Зачем? – спросил Крин.

Корби почувствовал, что у него пересыхает во рту. Он видел, как вокруг машин и по полю ходит множество людей. Его друзья стояли рядом со своими вещами. Поодаль от них курил водитель труповозки. Барыбкин рассматривал примятую траву и что-то втолковывал одному из патрульных.

– Когда дед подошел, мы с друзьями там стояли, – объяснил Корби, – и сквозь стеклянную дверь увидели, как убийцы спускаются по лестнице и выходят в коридор.

Крин задумался.

– Ваш дед всегда ходит с оружием? – серьезно спросил он.

– Не думаю, – нервно ответил Корби, – но если Вы спросите, все ли у него дома, я за него не поручусь.

Он заметил, как у него потеют руки. Ему вдруг пришло в голову, что он может просто подставить старика. Достаточно сказать еще несколько слов, и тот начнет выглядеть едва ли не убийцей. Но он промолчал.

– То есть, Ваш дед взял пистолет после того, что Вы сказали ему по телефону? – уточнил Крин.

Корби лихорадочно облизнул губы. Ему совсем не нравилось, к чему могут подводить эти вопросы Крина. Внезапно в окно машины постучали. Вернулся Зотов. За его спиной стояла сильно крашенная тетка с маленькой собачонкой на руках и низкорослый небритый мужчина с глазами, горящими нездоровым интересом.

– Есть понятые, – объявил оперативник.

Крин поморщился.

– Идите к трупу, – приказал он. – Я буду через пару минут.

Корби понял, что это его шанс.

– Пришел дед, – быстро заговорил он, – и мы как раз увидели, как они спускаются. Мы замахали ему. Он подошел, разбил стекло пистолетом. Я просунулся внутрь и открыл дверь. Трое в масках побежали по коридору центрального корпуса. Мы за ними погнались.

Корби еле успел перевести дыхание и, не давая следователю времени на вопросы, продолжал.

– Дед приказал им остановиться, угрожал пистолетом. Они остановились, и в вестибюле школы мы их догнали. Ара стал вызывать полицию по городскому телефону.

Крин хмурился и кивал. Корби усилием воли заставил себя не отводить в сторону взгляд.

– Но тут они напали на нас, – скороговоркой закончил он. – Я растерялся. Нику разбили лицо, телефон сломали. Дед подстрелил одного и стрелял в другую, но чуть-чуть промазал. Это была девушка. Пуля сорвала маску с ее лица. Это она телефон сломала. И потом они убежали, а мы остались. У Ника было сильно разбито лицо.

– Ладно, – наконец, протянул следователь.

Корби услышал надрывный стук своего сердца. Он чувствовал себя так, будто убежал от своры собак. Крин задумчиво всматривался в его лицо.

– Ладно, – повторил он. – Пока Вы свободны.

***

Корби вышел из «уазика» и остановился, жадно вдыхая запахи летней ночи. Снаружи тянулись шеренгой машины. На частных легковушках подъехали прокурор, замначальника розыска и сильно напуганная директриса.

Корби знал, что ему следует предупредить Ару и Ника насчет каверзы с тем моментом у двери. Но вместо того, чтобы подойти к друзьям, Корби зашел за фургон труповозки и уперся лбом в ее пыльный холодный бок. Его оставили последние силы.

Он вдруг понял, что ему все это что-то напоминает. Машины, выстроившиеся в ряд, суетливые люди, Андрей с растекшейся под ним лужей крови. И он тоже кого-то себе напоминал. Наверное, самого себя. Так же, как и несколько лет назад, он чувствовал, что люди стали ему невыносимы. Он хотел отделаться от них, остаться один. И вот он стоит здесь, забившись в проход между машинами, прячется и от Крина, и от своих друзей, как будто здесь можно спрятаться.

Корби внезапно вспомнил день смерти своих родителей. Видение прошлого было четким, осязаемым, будто сейчас все снова повторялось. Он – тринадцатилетний мальчишка – сидел за своим письменным столом и делал уроки. Было семь часов вечера пасмурного октябрьского дня. Снег еще не выпал, но листья с деревьев почти облетели. На улице было холодно и мерзко, порывистый ветер рвался в закрытое окно и звякал шпингалетом форточки.

Корби торопился разделаться с неподатливой математикой. Вечером по телику крутили его любимый сериал – «Полицию Майами». Корби знал, что если не доделает домашнее задание, отец не даст ему смотреть телевизор. Он писал формулы, жульничал, перемножая на калькуляторе трехзначные числа, и периодически поднимал голову, чтобы прислушаться. Его комната стеной граничила с лестничной клеткой; напрягая слух, он мог различить звук лифта, останавливающегося на этаже. Это бы означало, что родители возвращаются домой. Они должны были вот-вот приехать. Отец Корби работал менеджером в компьютерном салоне, а мать – бухгалтером в офисе автобусного парка. Отец на полчаса раньше заканчивал свой рабочий день и на машине забирал маму с работы. Иногда они задерживались, чтобы зайти в магазин.

Тогда они жили на верхнем этаже шестнадцатиэтажного дома. Из окон их квартиры было видно плоскую крышу колледжа для богатеньких детишек. За ним проходило шоссе, а за шоссе, немного в стороне, была школа самого Корби.

Корби дописал условие очередной задачи и прислушался. Лифт молчал. Зато ветер принес со стороны дороги визг тормозов. Звук был коротким и резким, как оборванный предсмертный крик. Потом раздался удар.

Корби вскочил и посмотрел в окно. Серая полоса далекой дороги тонула в сумерках. Один из придорожных столбов был поврежден, а в его полуразрушенном основании застрял

вдребезги разбитый автомобиль. У обочины дороги, в нескольких метрах позади машины, лежал сбитый и отброшенный пешеход. Вокруг него стояло несколько человек. Корби понял, что это подростки. Теперь ему казалось, что они стояли там точно так же, как сегодня он и его друзья стояли над телом Андрея.

Он торчал у окна, напрягал глаза, чтобы рассмотреть маленькие фигурки, и не сразу заметил, что попавшая в аварию легковушка похожа на «ауди» его отца.

Рядом с местом аварии остановились два других автомобиля. Группа несовершеннолетних испугалась чего-то, и они бросились бежать в темноту.

Загорелись уличные фонари. При их свете Корби заметил, что разбившаяся машина имеет темно-синий цвет – такой же, как «ауди» отца. «Бывают же совпадения», – подумал он.

В половине восьмого он понял, что родители должны были приехать хотя бы пять минут назад. Его охватила слабость. Он почувствовал странную тянущую боль в левой стороне груди. До этого у него никогда не болело сердце, и он не мог понять, что с ним происходит. Он прижался лбом и руками к холодному стеклу – так же, как сейчас прижимался к фургону – потом не выдержал и побежал на кухню, к городскому телефону. Тогда у него еще не было своего мобильного. Он на память набрал номер матери. Прошла минута, две, три. Наконец, гудки оборвались.

Корби повесил трубку. «Она просто не слышит, – подумал он, – она часто не слышит». Можно было позвонить отцу, но отец не любил, чтобы ему звонили, когда он ведет машину. Минуту или две мальчик мялся у телефона, потом все-таки набрал папин номер.

– Извините, абонент не доступен. Попробуйте...

Корби положил трубку. «Я ошибаюсь», – подумал он. Открыл справочник – телефоны всех домашних были на первой странице – и снова набрал номер матери, потом – номер отца. Все повторилось.

Корби бросился обратно в комнату. Он действовал лихорадочно, но думал спокойно. «У них сломалась машина, – говорил он себе, – папа выключил мобильник, потому что он за рулем, а мама минут через пять проверит свой мобильник и перезвонит». Спокойно убеждая себя в этом, он натягивал джинсы, надевал рубашку и свитер, завязывал ботинки.

Что-то произошло с ним, только когда он снял с вешалки куртку. «Зачем я это делаю, – спросил он себя, – ведь все в порядке».

– Нет, – пробормотал он.

Ему пришла идея, что можно позвонить родителям на работу. Он в ботинках вернулся на кухню и снова набрал номер матери. Там были только длинные гудки. Он набрал номер отца. Трубку снял папин сменщик.

– Здравствуйте, – сказал ему Корби. – А Рябина можно?

– Он ушел почти час назад, – удивленно ответил мужчина. – Погоди, а ты ведь его сынишка, да?

Корби бросил трубку. Час. Час. Час – это слишком много. За час можно дважды забрать маму с работы и дважды приехать домой.

Он бросился вон из квартиры. Сердце больше не болело – теперь оно бешено колотилось.

Он еле дождался лифта. В кабине он гладил пальцами резиновые амортизаторы дверей, как будто от этого они могли быстрее открыться. Как только лифт достиг первого этажа, Корби выскочил из него и бросился на улицу.

Он бежал вдоль забора колледжа, почти тем же маршрутом, которым каждый день ходил в школу. Порывистый ветер холодил лицо и трепал непокрытые волосы.

Выскочив к дороге, Корби резко остановился.

«Это не машина отца», – подумал он. Он стоял и с облегчением смотрел на то, что осталось от легковушки. Передней части у автомобиля больше не было. Рваные остатки капота

вдавились в пассажирский салон, а крыша салона почти касалась своим верхом покосившегося фонарного столба.

Корби рассуждал логически. «Мои родители не могут умереть, – думал он, – а те, кто в этой машине, не могут быть еще живы. Значит, это не их машина». Все так просто.

Он настолько успокоился, что вспомнил про самого себя. Застегнул куртку и накинул на голову капюшон.

Движение на дороге было слабым, но рядом с местом аварии уже стояло несколько других автомобилей. Они выстраивались в ряд, как машины у школы в вечер смерти Андрея. Водители останавливались, заглядывали в окна разбившейся машины, потом на полминуты замирали над распростершимся телом сбитого человека – и либо уезжали, либо присоединялись к небольшой группе зевак. Кто-то говорил по телефону – видимо, вызывал милицию.

Корби подумал, что раз уж он сюда пришел, глупо будет просто возвращаться домой. Он перешел дорогу. Сначала его взгляд обратился к сбитому подростку. Нижняя часть его тела была жутко вывернута, обломки костей торчали сквозь штаны. Корби затошнило. Он пожалел о своем любопытстве, отвернулся. И только тогда по-настоящему увидел.

На заднем бампере машины был знакомый номер «НЛО 177». Отец Корби любил пошутить насчет этого номера. Теперь у отца Корби не было лица. Струйки его крови блестели на сдавленном капоте погибшей «ауди» и на бетоне фонарного столба. С мамой все было хуже. Часть ее тела вылезала из разбитого окна.

– Эй, парень, хорош любоваться на чужую смерть! – раздраженно крикнул водила, который до этого вызывал милицию. – И вы все тоже! Пошли отсюда, пошли, не на что тут смотреть! И Корби пошел прочь.

***

– С телом все! – закричал кто-то из оперов.

– Понятые, осмотрите вещи свидетелей, – попросил другой.

– Где Николай Рябин? – тут же позвал Крин. – Понятых обоих сюда.

Корби очнулся от видения, понял, что у него лоб перепачкан грязью с борта машины, нашел в кармане бумажную салфетку и вытер ею лицо. Руки сильно дрожали. Стараясь ни на кого не смотреть, он вышел из-за фургона и пошел к своим друзьям. Ара уже открыл свой рюкзак и показывал бутылки Крину и первому понятому. Он был бледен, но держался.

– Странные бутылки, – подивился следователь.

– Это вино из Армении, – сказал Ара, – от моей мамы.

– Дорогое, наверно, – заметил Крин.

– Нет, так только кажется, – ответил Ара. – В любом случае, мама сама бы его не выпила. Следователь хмыкнул.

– И много у нее? – спросил он.

– Последние, – сказал Ара. – А больше в рюкзаке ничего.

– Ладно, – решил Крин, – вино запишите.

Опер занес вино в опись.

– У Вас? – спросил Крин.

– Пустой рюкзак, – сказал Корби.

– Показывайте, – предложил следователь.

Корби открыл. Луч фонарика высветил ворох денег и одинокий черный носок.

– Не пустой, – возразил Крин. – Или денег в нем быть не должно?

Корби почувствовал на себе злобный взгляд старика. И Ник смотрел почти так же.

– А... это деньги деда, – почти честно сказал Корби.

– Да, мои, – подтвердил старик. – У нас утром ссора была. Разногласия между поколениями. Я потом из-за этой ссоры не сразу поверил в его телефонный звонок.

– Вот как, – прищурился Крин.

– Да, – сказал дед. – Когда он мне позвонил, я решил, что этот бандит меня разыгрывает.

– Стало быть, он Вас обокрал? – спросил следователь.

– Вовсе нет, – ответил отставной полковник. – Я сам этими деньгами в него швырнул.

В ярости.

– Ладно, – решил Крин. – Пересчитайте. Мы запишем.

Корби сел на корточки рядом со своим рюкзаком и начал складывать бумажку к бумажке. Он вдруг почувствовал, что его губы дрожат и глаза наполняются слезами. Он собирался посчитать эти деньги три часа назад, когда все было совсем иначе.

Он еще возился с ворохом бумажек, когда Ник в присутствии понятых запустил ролик с убийством. Его смотрели в безмолвии. Лишь раз Крин нарушил тишину.

– Почему убийца пригнулся? – спросил он.

– Не знаю, – сказал Ник.

Корби дошел до сорока тысяч, когда почувствовал безумную боль у себя в ухе. Тихо, пока все смотрели в другую сторону, старик подкрался к нему. Теперь он тянул ухо и выкручивал. Корби не кричал, он просто задохнулся от боли. Перед глазами поплыли белые круги.

– Что? – прошипел ему в другое ухо дед. – Не только пистолетик взял? Хотел еще пожить?

Корби ногтями впился ему в руку. Несколько секунд они боролись и, наконец, старик проиграл.

– Я запру тебя в чулане, – поклялся он, – и ты будешь там жить. А иначе я сдам тебя с потрохами, маленькая мразь.

Корби не ответил, только отодвинулся на безопасное расстояние и, все еще вздрагивая от боли, продолжал считать деньги.

– Уж на эту-то ночь точно, – заверил старик.

Корби вынул из рюкзака последние бумажки и обнаружил, что на дне под ними все еще лежит жестяная коробка с масляной тряпкой. Быстро, почти автоматически, он достал ее и сунул под рюкзак Ары, потом встал и, складывая деньги в ровную стопку, подошел к остальным.

Здесь шел бурный разговор.

– Зачем вам вертолет? – спрашивал Ник. – Возьмите саму запись.

– Молодой человек, не спорьте, – устало отвечал Крин. – Я все равно обязан конфисковать его как улику.

– Отец убьет меня, – с досадой отмахнулся Ник от следователя. Его яростный взгляд уперся в Корби.

Корби спас Крин.

– Пересчитали? – спросил он.

– Шестьдесят семь тысяч, – сообщил подросток.

Крин присвистнул.

– Можете проверить, – предложил Корби.

– Не нужно, – сказал следователь. – Больше у вас там ничего нет? Покажите дно.

Корби вернулся за рюкзаком и показал.

– Тряпочка? – уточнил Крин.

– Носок, – объяснил Корби. – Я собирался уйти из дома. Остальные мои вещи у Ника.

– Да, все с Вами ясно, – решил Крин.

Он посмотрел на часы.

– Время позднее, работы еще на полночи, – заметил опер.

– Это точно, – вздохнул следователь. – Свидетели свободны. Видеозапись очень ценная, и замечательно, что был ранен один из преступников. Спасибо всем за сотрудничество.

– Пожалуйста, – ответил дед Корби.

– Завтра в первой половине дня мне нужно будет снова с вами поговорить, – продолжал Крин. – Несовершеннолетние приходят с родителями. Кому нужен отгул с работы, мы дадим справку. Все понятно?

– Да, – хором подтвердили подростки.

– Рябины, – окликнул Крин, – десять утра вас устроит?

– Устроит, – кивнул старик.

– Джинаганали одиннадцать? – спросил следователь.

– А можно, если мама будет занята, мы позвоним и передоговоримся? – поинтересовался

Ара.

– Нужно, – сказал Крин. Он достал три визитки, протянул их Аре, Нику и деду Корби.

– Николай Коплин, – обратился Крин к Нику, – двенадцать. И мы с Вашим отцом сможем еще раз обсудить вопрос о вертолете.

– Хорошо, – буркнул Ник.

– Все свободны, – сказал Крин. – Доброй ночи.

Он повернулся и через поле пошел к разбитым и распахнутым дверям запасного выхода школы. Опер и понятые двинулись за ним.

Когда полицейские ушли достаточно далеко, Корби поднял рюкзак Ары и достал жестяную коробку.

– Ник, это твое, – окликнул он друга.

– Выброси ее, – ответил Ник.

– Пошли, – сказал дед, – нечего теперь с ними болтать.

Он схватил Корби за локоть и потащил за собой. Подросток не сопротивлялся, но какую-то долю секунды еще смотрел на своих друзей. Они стояли посреди едва освещенного поля. Наступила ночь, и небо над ними мерцало искорками звезд. Ник сжимал кулаки, а глаза Ары блестели, хотя он не плакал.

Корби подумал, что больше не знает себя. Он не понимал, почему не может по-настоящему раскаиваться и грустить, как это делает Ник. Не понимал, почему все развалилось вместе с этой смертью. Не понимал, на чем держалась все эти четыре года его жизнь, и не понимал, на чем она держится сейчас.

Перед его глазами снова были только мертвые. Он чувствовал, что проведет эту ночь с ними.

Глава 10

Мертвые

Дед не отпускал руку внука и не переставал говорить с того момента, как они вышли со школьного двора.

– Ты не уважал старших, – бубнил он, – и вот к чему это привело. Считал себя большим и сильным, а ни шагу не можешь ступить сам. Сосунок, приживалка, малолетка неблагодарная. Молоко на губах не обсохло, а что о себе возомнил?

Старик и подросток шли по пустынным темным улицам. Корби узнавал места. Вот подъезд первой девушки Ары. Вот подворотня, где Ник как-то шуганул пару гопников. Двор, в котором они залезли на крышу трансформатора. Дом одноклассника, на дне рождения которого все первый раз сильно напились. Лавочка, на которой они столько раз сидели, разговаривая обо всем на свете. Знакомые окна, машины, заборы, детские площадки, тропинки, заросли кустов. Корби ходил здесь утром и вечером, днем и ночью – веселый или грустный, трезвый или пьяный, разочарованный или окрыленный маленькими победами.

– Убежал из дома, – крутил свою шарманку старик, – и тут же приполз обратно. Все вы такие. Новое поколение. Слабаки. Тебе в восемнадцать лет еще с сосочкой играть надо, и в ножки мне кланяться. А ты дерзишь, мозгляк.

Корби не реагировал. Его самооценка в этот момент была такой низкой, что никакие ругательства и попреки не могли ему досадить. «Я мразь, – думал он, – я живу, когда другие умерли. Живу, топчу землю. По-прежнему дышу. Я опять попал в ту же ловушку. Дурак, какой же я дурак. Мне не надо было даже отходить от стола деда. Надо было прямо там пустить пулю себе в висок, и сейчас всего этого не было бы. Даже Андрей, может, был бы еще жив».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.